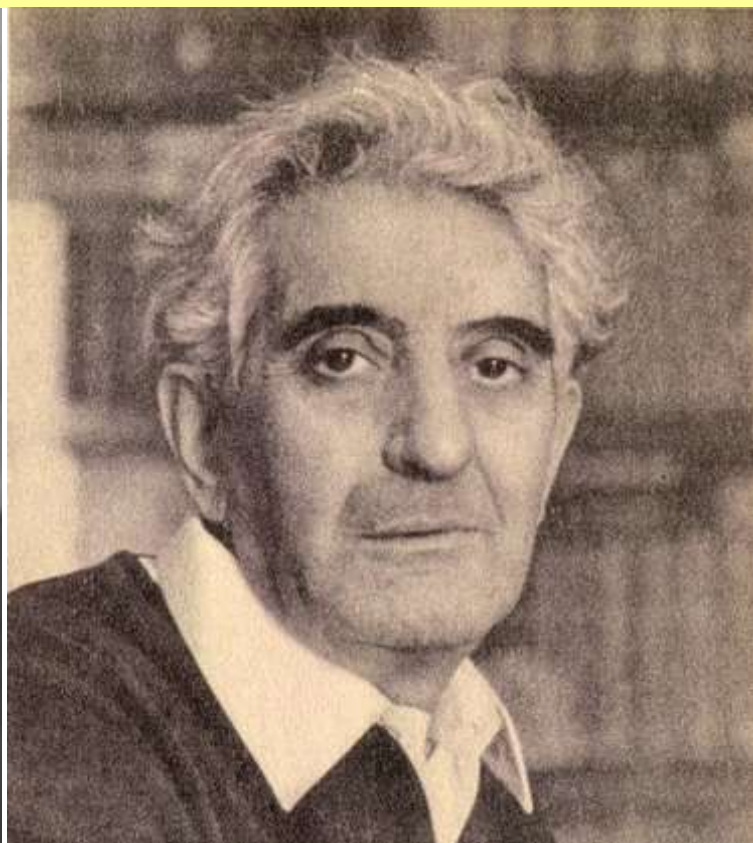


ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 16. СТИХИ.

ОВСЕЙ ДРИЗ

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА



Овсей Овсеевич (Шике) Дриз (1908-1971) - еврейский советский поэт, писавший на языке идиш. Родился 16 мая 1908 года. Рос сиротой. Детство Шике Дриза-младшего прошло в доме деда — лудильщика в местечке Красное под Винницей. К деду часто заглядывали “на огонек” его соседи — такие же ремесленники, мастера, которые всегда тяжело работали, но никогда не теряли чувства юмора. Закончив начальную еврейскую школу, Дриз поехал в Киев и поступил на работу на завод “Арсенал”.

Одновременно учился в художественном училище, в Киевском институте искусства. С детских лет рисовал, лепил. Но в полную силу его талант открылся в поэзии. В 1930 году вышел первый сборник стихов Овсея Дриза “Светлое бытие”. А в 1934 году — следующий сборник “Стальная мощь”. В том же году начинается война, которую он прошел “от звонка до звонка”.

Демобилизация, совпадает с трудным периодом для еврейской литературы. Убит Михоэлс, разгромлен Еврейский антифашистский комитет. Признание, пришло к Овсею Дризу на шестом десятке жизни. На его тексты композиторы охотно писали музыку. По его пьесам снимали мультфильмы. Его стихи-сказки вошли в антологию сказок мира.

14 февраля 1971 года в возрасте 62 лет его не стало.

ЗАВИСТЬ

Вы только представьте,
Выиграл мой туз
Кучу наличных —
Целый картуз.

На все эти деньги
Я тут же купил
«Светлого мира»
Большую бутыль.

И вот на столе моём
Чистый хрусталь,
Тарелки и вилки —
И всё, что достал:

Грибочки, огурчики
Прямо из бочки,
Холодное мясо,
Горячие почки,

Копченая рыба,
И хрен, и горчица.
Можно, пожалуй,
Друзьям угоститься...

— — — — —
— — — — —

Один хохотал,
А другого тошнило,
А третий заплакал
От «Светлого мира».

А этот... посыпались
Рюмки, звеня, —
Если б не люди,
Убил бы меня.

1935

Перевод Г. Сангира

МЕЧТА

Я верю — мне сердцем дано это право —
Останется — к этому время ведёт —
На вооруженье Советской державы
Одна только пушка, что в час величавый
На Зимний нацелил восставший народ,
Один только крейсер, что к новым причалам
Пробился с пальбою, Неву бороздя,
Один броневик под полотнищем алым,
Что первой трибуною был, пьедесталом,
Поднявшим над стихшей толпою вождя.

1936

Перевод Г. Спендиаровой

УРОК

Я стоял на набережной
И смотрел,
Как чайки-попрошайки
Ловят на лету
Крохи хлеба.

«Поэт! — сказал я себе. —
Гляди и помни,
Владея миром,
Не уподобляйся этим чайкам».

1957

Перевод Г. Сангира

ЦЫГАНЕ

Разболелась голова,
Пожалейте мою голову.
С горя выплакаю вам
Свою песенку весёлую.

Выпил рюмку, но боюсь,
От печали не избавился, —
И сосёт и тянет грусть,
В грусти я совсем расплавился.

Наконец устал и лёг,
Отдохнуть душа пытается, —
Слёзы, как в мешке горох,
Трюх да трюх — во мне катаются.

Жмут пружины под бока,
Перья из пуховика
Лезут острыми кинжалами.

Не дожидаться света дня...
Пожалейте вы меня,
Мысли грустные, пожалуйста!

1936

Перевод А. Сендыка

НА РАССВЕТЕ

Огромный город —
Уснувший улей —
Молчал.
У настезь
Открытого
Окна
В лёгких челноках
Покачивались
Подсиненные сновидения.
Вдруг
Это глухонемое торжество
Прорезал
Надсадный крик:
— Ва-а-ньку за-ре-за-ли!
И сразу
Алым пожаром
Вспыхнул
Небосклон.

1941

Перевод Г. Сапгира

КИРПИЧНЫЙ БУКЕТ

Война — войной,
А подарок — подарком.

Я сидел в опустевшей комнате
И думал,
Что подарить любимой.

Война — войной,
А подарок — подарком.

Вдруг меня осенило!
Подарю ей
Четыре моих стены.
Стену, открытую настежь
Для добрых людей.
Стену, что спокойно считает
Минуты, часы моей жизни.
Стену, что смотрит квадратом
Тревожного неба.
И эту стену,
Что немного меня стыдится, —
Я знаю,
У неё есть уши.

Мой кирпичный букет
Я обвязал лентой —
И опустил туда ключ.
Война — войной,
А подарок — подарком...

— — — — —
— — — — —
Я очнулся в госпитале.
Ударил бомба в ту ночь
В мой кирпичный букет.

1942

Перевод Г. Саггиря

ОДИНОКИЙ САПОГ

Полустанок
Как развалившаяся печь.
На остатках стѐны —
Колокол
Без языка.

Возле насыпи —
Одинокий сапог.

Его оставил солдат,
Ему не нужен был правый сапог.

А поезда всё идут,
Идут.
А колёса стучат
И стучат.

Ещё один солдат
Ковыляет,
Опираясь на костыли.

Он поднял сапог,
Пощупал голенище,
Постучал по подметке:

«Пригодится», —
Взял его
И оставил свой левый сапог.

На остатках стены —
Колокол
Без языка.

Возле насыпи —
Одинокий сапог.

А поезда всё идут,
Идут.
А колёса стучат
И стучат.

1942

Перевод Г. Сангира

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Чёрная баллада)

Качается зыбка
Туда и сюда,
Туда и сюда
Пус-та-я.

Козочка белая,
Что ты пришла?
Козочка белая,
Что ты взяла?

Козочка белая,
Козочка малая
Держит во рту
Соломинку алую.

А лёгкая зыбка —
Туда и сюда,
Туда и сюда,
Пус-та-я.

1942

Перевод Г. Сангира

ЛЮБОВЬ В ЛЕСУ

Десять суток лечила меня
Партизанская дочь.
Молоко, и малина, и мёд.
Десять суток...
На старом солдатском ремне
Правлю бритву.
Мне глаза твои
Зеркальцем служат.

Попрощались.
Улыбаясь лукаво,
Попросила:
— Напиши мне, солдат,
Как ты ухитрился
Побриться
Без зеркальца.

1942

Перевод Г. Сангира

ВЕДРО

Средь поля — груженные рухлядью дроги,
Свернули, видать, под обстрелом с дороги.
Ведро — меж колёсами. Знать, не придётся
Ему побывать в придорожном колодце.
Могила виднеется у перекрестка.
Хозяина, знать, не дождетя повозка.
Ведро переполнено ливнем — и плачет.
Знать, запыло с горя оно, не иначе.

1942

Перевод А. Ревича

ЗВЕРЬ

Он прицелился ей в затылок
И увидел сквозь жёсткую прорезь прицела
Светлый завиток,
Словно крючок для лёгкой зыбки.
— О муттер! — воскликнул человек. —
Шнеллер, медхен! беги! нах хаузе!

Но вдогонку выстрелил зверь.

1942

Перевод Г. Сангира

НЕ ПЛАЧУ И НЕ СМЕЮСЬ

Слезы короткий век
Хочу благословить,
Ведь должен человек
Всё ж человеком быть.

Но вот мои глаза
Сейчас — сухое дно,
Слезинки ни одной
В них нет давным-давно.

И я здоровый смех
Спешу благословить,
Ведь должен человек
Всё ж человеком быть.

С моей душой сейчас
Случилась вдруг беда:
Не плачу, не смеюсь
Теперь я никогда.

1942

Перевод Г. Сангира

СЁСТРЫ И БРАТЬЯ

Сёстры и братья,
Плакать не станем.
Убийцам проклятье!
Восстанем, восстанем!

Клянёмся, голов
Не склоним перед смертью,
Пусть смотрит она
В обнажённое сердце.

За всё палачам
Сторицей вернём
Мечом и огнём,
Мечом и огнём!

А тот, у кого
Ни меча ни копья нет,
Пусть сам этим острым
Оружием станет.

Пусть мёртвых разбудит
И камни Варшавы,
Пусть гнев его будет
Потоками лавы.

Пусть жжёт палачей
И ночью и днём
Мечом и огнём,
Мечом и огнём!

Стань дыбом, земля, —
И бей их и мсти,
Покуда весь мир
Не станет цвести.

1943

Перевод Г. Сангира

КРЫЛЬЯ

Прикатил бы я к тебе,
Моя гордость и краса,
Но растут ещё в лесу
Все четыре колеса.

Я бы мог себе, родная,
Лодку-сказку смастерить,
Но я в детстве ещё клялся
Стройных сосен не губить.

Прилетел бы я, родная,
Но летать мне тяжело,
Потому что от рожденья
У меня одно крыло.

Но я чувствую, родная,
Всё яснее с каждым днём,
Как растёт крыло второе
За моим другим плечом.

1943

Перевод Г. Сангира

ТРИ КЛЁНА

Три клёна в местечке росли
От мостика наискосок —
Единственный радости луч,
Единственный счастья кусок.

Шушукались девушки там.
Там слышился визг ребятни,
И старцы любили дремать
В ажурной, прохладной тени.

В домишках вздыхали часы,
Усталые стрелки вертя.
Печник добывал на чеснок,
Столяр голодал не шутя.

Ему бы немного досок,
Он сделал бы каждому стол...
Но даже во сне никогда
К деревьям с пилой он не шёл.

По окнам — жужжание мух,
У мира достаточно дел.
На редьку гончар получал,
Бочар без работы сидел.

Ему бы немного досок,
Чтоб всем по бочоночку сбить...
Но даже во сне никогда
Не шёл он деревья рубить.

От коз, что очистки едят,
И выдоишь разве глоток.
За корку работал портной,
Сапожник и этак не мог.

Ему б деревянных гвоздей,
Подбил бы он нам каблуки...
Но он и во сне не мечтал
Деревья валить у реки.

А всё же упали они,
Упали в годину войны,
Поскольку столбы палачам
Для виселиц были нужны.

Шёл первым на муку столяр,
Был взор его синь и глубок,
Повис он в пеньковой петле,
Как ясного неба кусок.

Бочар был повешен вторым,
Рванулась земля из-под ног,
А всё ж на прощанье припасть
Губами он к дереву смог.

Последним сапожник повис,
И тут, утверждает молва,
Проклюнулись почки над ним
И выглянула листва.

1943

Перевод А. Сендыка

БЕРЁЗОВАЯ КУКЛА

(Блокадная — Ленинградская
колыбельная)

Последнее поленце
Закутано в полотенце —
Девочка укачивает куклу:
— Баю-бай, засыпай.

Вот мама придёт,
Хлеба нам принесёт...

— — — — —
— — — — —

Печурка оледенела,
Кукла осиротела.
А мама всё не идёт,
Хлеба всё не несёт.
А городу холодно-холодно.
А городу голодно-голодно...

1943

Перевод Г. Сапгира

ПИСЬМА

Пишет мама мне в письме:
«Ждать тебя невмочь.
Мать по детям так тоскует,
Как по звёздам ночь».

А ещё мне пишет мама:
«Даже птица к дому
Возвращается, неся
Глину и солому».

Я сажусь, пишу ответ:
«Не волнуйся, мать!
Без тебя, как дню без солнца,
Век мне тосковать.
Дома побывать охота.
Что ж поделаешь? — пехота,
Не могу летать».

1943

Перевод А. Ревича

СКРИПКА

Скрипка моя старая
На шкафу лежит.
Я сыграл бы что-нибудь,
Да рука дрожит.
Подарил бы я её
Музыкантам юным,
Но повисли на колках
Сорванные струны.
Помню, первая струна
Словно мама пела.
А вторая — родничком
Ласковым звенела.
Третья плакала навзрыд
И смеялась звонко.
И была она — струна —
Похожа на ребёнка.

Голос матери моей
Отзвучал, погас.
Родничок живой иссяк
В полуденный час.
А ребёнок — что с ним случилось
В ночь и дождь и слякоть?!
Он смеяться перестал
И не может плакать.
Лишь четвёртая струна
Чудом уцелела.
Но не трогайте её! —
Слишком наболело.
Мастер, мастер, оживи,
Вылечи мне скрипку!
Песни мамы ей верни,
Слёзы и улыбку.

Что угодно
Попроси,
Душу
Скрипки
Мне спаси!

1944

Перевод Г. Сангира

ЧИСТАЯ РУБАХА

Солдат под шинель ушёл с головой
И только сердцу шепнул во сне:
«Эх, полагалось бы по обычаю
Сменить перед боем рубаху мне».

Шепнул... И плотней завернулся в шинель,
Чтобы морозец не прихватил.
Но шёпот солдата услышал рассвет
И снежное облако разбудил.

Стало всё поле белым-бело
Перед атакой в рассветный час.
Готовы солдатам рубахи свежие,
Уж так повелось на Руси у нас.

1944

Перевод А. Сендыка

ПЛАТОЧКИ

И дни и ночи все подряд
Что ткёшь, ткачиха, ты?
«Я тку рубахи для солдат,
Для раненых бинты».

Я вижу, уж тебе невмочь...
Скажи, что ткёшь ты, мать?
«Я тку платочки день и ночь,
Чтоб слёзы утирать».

1944

Перевод Т. Спендиаровой

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

Тех, кто от нас далеко уезжает,
Цветами, как водится, провожают.
Мать-земля создала любые —
Белые, красные, голубые.

Жемчужной росой окропила их,
Маковинками припудрила,
Ливнями опои́ла их
Мать-земля наша мудрая.

Один отдаёт предпочтенье цветам,
Колючкам — другой. В таком случае
Создал последний, кажется нам,
Проволоку колючую.

1944

Перевод Т. Спендиаровой

МОЙ ГЕНЕРАЛ

Был у меня когда-то друг,
Не просто кто-нибудь —
Выпячивал всем напоказ
Он сплошь в медалях грудь.

Почтенный тульский самовар,
Он на столе горел как жар,
Мой генерал Буль-Буль,
Мой генерал Буль-Буль.

Участник наших детских игр,
Случалось, он не раз,
Дыша огнём, кипя, пыхтя,
Водил в атаку нас.

Без страха мы вступали в бой,
Покамест вёл нас за собой
Мой генерал Буль-Буль,
Мой генерал Буль-Буль.

А вечером, раздув бока,
Солиден, домовит,
Бывало, возглавляет стол
И чаем нас поит.

Притом тихонько, как сквозь сон,
Походный марш мурлычет он,
Мой генерал Буль-Буль,
Мой генерал Буль-Буль.

С тех пор прошло немало лет.
Всамделишный солдат,
В походах вспоминаю дом
И дружный наш отряд,

Боёв мальчишеских накал,
Накрытый стол, что возглавлял
Мой генерал Буль-Буль,
Мой генерал Буль-Буль.

Как видно, было суждено
Нам встретиться опять.
В ту пору начали враги
Поспешно отступать.

В разбитый дом вхожу... и вдруг
Среди развалин — старый друг,
Мой генерал Буль-Буль!
Мой генерал Буль-Буль!

Кран на сторону, без ноги,
Приплюснутый с боков,
Всё ж в этот вечер вокруг стола
Собрал он земляков.

Будь то полковник иль солдат —
Он всех попотчевать был рад,
Мой генерал Буль-Буль,
Мой генерал Буль-Буль.

1945

Перевод Т. Спендиаровой

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Купил дед шарик воздушный
Зелёный, зелёный,
И кажется, будто качаются
На нитке зелёные клёны.

Взял он шарик в руку,
Несёт он к Бабьему Яру
В подарок меньшому внуку
И снова идёт за шаром.

Так старенький дед упорно
Носит внуку подарки:
То рощу, то море Чёрное,
То солнышко яркое.

1945

Перевод Г. Сангира

СКРИПАЧКА

Я тысячи лесов перелистал,
Я с далью даль связал
И с синью синь,
И тысячи морей я процедил
И сам просеял тысячи пустынь.

Но не нашёл, не отыскал нигде,
Хоть я искал уже который год,
Ту, что в окопы скрипку принесла,
А в скрипке был бетховенский полёт.

А что потом? Потом кошмарный сон
Из крови и огня,
И всё — в золе...
Как будто локон, светлая струна
В обугленном планшете на земле.

1945

Перевод В. Цыбина

ФИОЛЕТОВЫЙ ДЕНЬ

Памяти Михоэлса

День был фиолетовый,
Облачное небо —
Рыбья чешуя.
Где-то шумели
Трамваи, машины.
А здесь, на Малой Бронной,
Стояла тишина.
И процессией странной,
Жёлто-красно-зелёной,
В тишине
Шли шуты.
Было хмуро и сыро.
Шуты несли
На своих плечах
Прах
Короля
Лира.
Шли осторожно,
Как по краю пропасти,
В своей торжественной нелепости
Великолепные шуты.
Молчанием его оплакивали.
Лишь позвякивали
Бубенчики,
Нашитые
На шутовские колпаки:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»

День был
Фиолетовый.
Плыло небо,
Как большая рыба.

Не рыдали трубы,
И не взвизгивали флейты.
Лишь бубенчики плакали,
Звякали:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»
День был как ночь.
Исказила мука
Маску комика!
Глядите,
Там на крыше домика
Появился седой скрипач.
...И взвилось
Синее пламя волос!
И запела скрипка —
Золотая рыбка!
Плачь,
Рыбка, плачь
Над лицом короля —
Тайной тайн...
Этот старый скрипач
Был великий Эйнштейн.
Но шуты не ведали этого.

Шуты
Несли
На своих
Плечах
Прах
Короля
Лира.

А день был фиолетовый.
Было сыро.

1947
Перевод Г. Сангира

ФИОЛЕТОВЫЙ ДЕНЬ

Памяти Михоэлса

День был хмур, фиолетов и сер.
Рыбьим брюхом нависло небо
над Малой Бронной.
По бульвару звенели трамваи
и шумели машины,
а здесь было тихо,
и процессией странной,
жёлто-красно-зелёной,
в тишине шли шуты,
гроб неся на руках.
Было хмуро и серо,
шли шуты осторожно
словно краем пропасти
в этой жуткой нелепости
важного шествия. Лишь
колокольчики на шутовских колпаках
перезванивались — динь-дзень.
День был фиолетов и сер.
Плыло небо огромной рыбой,
но не рыдали трубы,
и не всхлипывали флейты,
лишь бубенцы звенели. Мúка
исказила маску комедианта.
Но глядите — на крыше,
там — напротив театра,
встал скрипач
в синем пламени седины,

Этот старый скрипач
был великий Эйнштейн,
но шуты не ведали этого,
неся на плечах своего короля.
День был хмур, фиолетов и сер.

1947

Перевод А. Лейзеровича

СПИЧКА

Лаяла собака
За стеной барака.
Умирающий друг
Мне в руку положил коробок.
— Возьми!
Последнюю спичку берег
Для тебя и себя.

В ту ночь из лагеря смерти
Был совершен побег.
Молча собака
Бросалась на человека.
Выстрелы рвали снег,
Будто чиркали яркие спички...

Кипятку бы глоток!
Нет, я спичку берёг.
Затянуться бы дымом разок!
Нет, я спичку берег.
Я промок и продрог,
Но последнюю спичку берёг —
С другом расстаться не мог.

А потом уже не было сил,
Чтобы спичку зажечь...
Кажется, печка трещит.
Чья-то шинель на плечах.
— Родные! Товарищи! Братцы!..
Кто-то подал кисет:
Закуривай, друг.
Дрожащей рукой достаю коробок,
Который к своим мне добрать помог.

Спичка была горелой.

1948

Перевод Г. Сангира

ДРУГИМ ПОКОЛЕНИЯМ

Не плачьте, не плачьте,
Еврейские вдовы, над ними,
Были поэты
Мучениками и святыми.

Споём о прошедших
Свой путь до конца
Песню, которую
Помнят сердца.

Пусть окна и двери
Она открывает,
Пусть бабушка внуку
Её напевает,

Мать своим детям,
Братьям сестра.
Песня звучит,
Значит, песня жива.

Не плачьте, подруги,
Могил не ищите,
Вплелись в ваши волосы
Белые нити.

Оделись вы в чёрное
В чёрный свой час,
И камень тяжёлый —
На сердце у вас.

Чертите на камне
Своими ногтями:
«Поэт здесь поконится...
Вечная память...»

Тот камень тяжёлый,
Что носим в груди,
Другим поколениям
Передадим.

Не плачьте, не плачьте,
Еврейские вдовы, над ними,
Были поэты
Мучениками и святыми.

Споём о прошедших
Свой путь до конца
Песню, которую
Помнят сердца.

1950

Перевод Г. Сапгира

БЕССОННИЦА

Разболелась голова,
Пожалейте мою голову.
С горя выплакаю вам
Свою песенку весёлую.

Выпил рюмку, но боюсь,
От печали не избавился, —
И сосёт и тянет грусть,
В грусти я совсем расплавился.

Наконец устал и лёг,
Отдохнуть душа пытается, —
Слёзы, как в мешке горох,
Трюх да трюх — во мне катаются.

Жмут пружины под бока,
Перья из пуховика
Лезут острыми кинжалами.

Не дожидаться света дня...
Пожалейте вы меня,
Мысли грустные, пожалуйста!

1953

Перевод Г. Саггир

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой старый седой дуралей,
Засыпай поскорей.
Там, за тучами,
Бродит усатый злодей,
И в просветы видна
Его сабля — луна.

Спит на стуле усталый пиджак,
Ведь с восхода тебя он таскал на плечах.
Спят, вздыхая, твои башмаки —
И во сне не распутать шнурки.
Вспоминая про дождик недавний,
Спит в прихожей твой зонт неисправный.
Дремлет шляпа — тоже намокла.
У очков затуманились стёкла —
Видят счастье они сквозь туман...

Лишь не спит этот старый дырявый карман,
Не хочет опять
Монетку во сне потерять.
Да король бубен
Не уснет никак,
Он остался опять в дураках.

1953

Перевод Г. Саггиря

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Я бы повесила люльку на балке,
Качала б, качала б сыноченьку Янкеле,
Но рухнули балки в огне этой ночи —
Как же качать мне тебя, мой сыночек?

Белые голуби — чёрные вешки,
Остались от дома одни головешки.

Я б свои длинные косы отрезала,
Чтоб люльку повесить для доченьки Рейзеле,
Но стали золою на дубе листочки —
Как же мне люльку повесить для дочки?

Где он, мой дом? — Не осталось и досточки.
Средь угольков моих деточек косточки.

Матери, матери, все приходите,
Выплакать песню мою помогите —
Я не могу ни молчать, ни кричать —
Песней моей Бабий Яр укачать...

1954

Перевод А. Лейзеровича

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БАБЬЕМУ ЯРУ (Песнь матери)

Я бы привязала колыбельку к балке
И тебя б качала, мой ангел, мой Янкель.
Но мой дом как факел вспыхнул среди ночи,
Негде мне баюкать тебя, мой сыночек.

Я бы привязала к дубу колыбельку,
Цела б и качала дочку мою Эльку.
Но дотла сгорели все мои пожитки,
Не осталось даже от наволочки нитки.

Чёрные густые косы я отрежу
И на длинных косах колыбель подвешу.
Но кого баюкать? Где вы, мои дети?
Я одна осталась на всём белом свете.

Буду я по свету матерей аукать,
Приходите, матери, плакать и баюкать.
Матери седые, будем с вами вместе
Бабий Яр баюкать колыбельной песней.

1954

Перевод Г. Сангира

ЗЕЛЁНОЕ ДЕРЕВО

— Зелёное дерево, красивое дерево, крепкое дерево,
Скажи мне, что ты бережёшь под корой
В своей глубине, в сердцевине сырой?
Зелёное дерево, красивое дерево, крепкое дерево.

И прошумело зелёное дерево:
— Я силу коплю в холода и в жару,
Чтоб семя осталось, когда умру,
Чтоб выросло снова зелёное дерево.

— Зелёное дерево, красивое дерево, крепкое дерево,
Живёшь ты, событий не торопя.
Скажи мне, как стать мне достойным тебя,
Зелёное дерево, красивое дерево, крепкое дерево?

И прошумело зелёное дерево:
В землю поглубже пусти свои корни,
А ветви раскинь, и как можно просторней,
Живи и умри, как гордое дерево!

1955

Перевод Г. Сангира

СЕДАЯ ГОЛОВА

*Самуилу Галкину**

Седа голова,
И ноет плечо,
Но в сердце моём
Есть песня ещё.

Если б я смог
С начала начать,
Руки бы к небу
Простёр я опять,

Как в детстве, бежал
И дождём бы
Играл:
И в дождь
И в град
Люблю я играть.

Седа голова,
И ноет плечо,
Но в сердце моём
Есть песня ещё...

Если б я смог
С начала начать,
Я на руки землю бы
Взял — покачать.

С туманом,
С бураном,
С пургой бы качал
И, всё что недодано мне,
Получал.
Я море страданья
Не выпил до дна,
И рюмочка счастья
Осталась одна...

Седа голова,
И ноет плечо,
Но в сердце моём
Есть песня ещё...

1956
Перевод Б. Слуцкого

**Самуил Галкин (1897 - 1960) – еврейский поэт.*

ЕДИНИЦА

Я был простой арифметической задачей.
Меня решал ребёнок круглолицый.
Но крикнули ему: «Пойдём сыграем в мячик!» –
Как раз тогда,
Когда в уме держал он единицу.

С тех пор ищу себя. Брожу я, как во тьме.
Друзья, скажите, что со мною стало?
О ужас, я ведь не решён!
А нужно мне так мало —
Ту единицу, что малыш держал в уме.

1956
Перевод Г. Сапгира

Я САПОЖНИК

Эй, мальчики, эй, девочки, а ну-ка
Чинить мне принесите башмаки!
Мой критик утверждает: я — сапожник,
Не написать мне больше ни строки.

Эй, мальчики, эй, девочки, не надо,
Не думайте, пожалуйста, что лгу!
Есть гвоздики, и шило есть, а дратву,
Пожалуй, без труда достать смогу.

Свинья всегда и в городе найдётся.
А если станет нужно мне в пути,
У критика я одолжу щетину
На день, на два, господь меня прости.

1956

Перевод В. Цыбина

СВИДАНИЕ

Вопреки железному канону,
Мастер, одержимый красотой,
Сотворил Сикстинскую мадонну
Яснолицой женщиной простой.

Вырвавшись из векового плена,
Дав мечте земное бытие,
Он всепокоряющим, нетленным
Материнством наделил её.

Затенённый дымкою печали,
Взор её задумчив, тих и прям.
Небеса и те не устояли
И овечкой льнут к её ногам.

Вся в дыханье благовонном нивы
Босиком скользит она, светла,
И земля земное это диво
Золотой оправой обвила.

Рафаэль, он всё предвидел будто,
Силу ей чудесную придав:
Вой сирен, снарядов голос лютый,
Чёрный плат обуглившихся трав.

Не она ль, Сикстинская мадонна,
Женское достоинство храня,
Долг свой выполняла непреклонно, -
Вынося сражённых из огня.

Не её ли сердце разрывалось,
Хороня добро и красоту,
Не её ль целительная жалость
Тяжких мук снимала остроту?

ПЕТРУШКИ

Три петрушки
Танцевали,
Рукавами
Помахали
И налево
И направо.
Все кругом
Кричали: «Браво!»
Шумно
Радовался зал.
Мне петрушек
Было жаль.
Эти куклы
В самом деле,
Может, прыгать
Не хотели.
Просто нитки
Дёргал тот,
Кто за ширмою
Живёт, —
Кукловод.

1957

Перевод Г. Сангира

ДЕДУШКИНА КАРЕТА

Деду на лавке сидеть надоело —
Как бы размять онемевшее тело?

Вот для начала решил старикан
Выпить цикорного кофе стакан.

Но не успел отхлебнуть он и трети,
— Что-то давно я не ездил в карете! —

Проговорил, приосанившись вдруг —
Сбегай скорее к каретнику, внук.

Долго ль он будет возиться с починкой,
С каждой царапкой, с каждой морщинкой?

Деду, мол, дома,
Скажи, не сидится,
Хочет в карете
Мол, дед прокатиться,
Мол, застоялись
Добрые кони,
Кони нуждаются
В добром прогоне.
Но!
Но!
По горячей земле!

Выслушал молча каретник-сосед
То, что велел передать ему дед.

— Что же, — подумав, сказал он на это, —
Коль старику не приснилась карета,

Времени, братец, ты зря не теряй,
Сбегай к колеснику в тот вон сарай.

Задай ему сразу четыре вопроса:
Когда приведёт он в порядок колёса?

Деду, мол, дома,
Скажи, не сидится,
Хочет в карете,
Мол, дед прокатиться,
Мол, застоялись
Добрые кони,
Кони нуждаются
В добром прогоне.
Но!
Но!
По горячей земле!

Выслушал парня колесник-сосед.
— Ну и затейник, — сказал он, — твой дед!

Вот что отвечу я, братец, на это:
Коль старику не приснилась карета,

Мчись, чтоб сапожника дома застать:
Полость, скажи, не пора ль долатать?

Деду, мол, дома,
Скажи, не сидится,
Хочет в карете,
Мол, дед прокатиться,
Мол, застоялись
Добрые кони,
Кони нуждаются
В добром прогоне.
Но!
Но!
По горячей земле!

Выслушал парня сапожник-сосед.
— Пусть успокоится, — молвил, — твой дед.

Вот она, глянь-ка, готова карета!
Ты полюбуйся-ка, братец, на это! —

Пару штиблет из-под лавки достал. —
Я их на славу, гляди, залатал!

В них хорошо,
Коль в дому не сидится,
И на своих на двоих
Прокатиться,
Коль застоялись,
Как добрые кони,
Коль ноги нуждаются
В добром прогоне.
Но!
Но!
По горячей земле!

1957

Перевод Т. Спендиаровой

КЛУБОЧЕК ШЕРСТИ

Я. Штернбергу

Там, где живут чудаки шерстяные —
Мои кумовья, и сватья, и родные,
И деверь, и шурин, и тётушка Фая, —
Случилась история шерстяная.
Старуха убогая шла из села
И шерсти клубок на дороге нашла.

Валялся клубочек
Не больше ореха,
Будто подброшенный
Кем-то для смеха.
Сидит, как мышонок,
И хвостиком нить.
Над бедной старухой
Не стоит шутить!
Нет, не связать
Из такого клубка
И одного
Шерстяного носка.

Вздыхнула старуха: «Зачем ты мне нужен?
Пойду-ка почищу плотвички на ужин
Да о платке шерстяном помечтаю, —
Заждалась хозяйку лачужка пустая.
Клубочек, клубочек, лежи на виду,
А я потихоньку домой побреду».

— Я счастье твоё,
А тебе невдомёк.
Возьми меня, бабушка, —
Молвил клубок. —
Домой отнеси

И, не медля ни дня,
Барашка в кудряшках
Свяжи из меня.
И если ты будешь
Со мною добра,
Получишь сундук
Шерстяного добра.

— О боже! Что слышу! — вскричала старуха. —
Скажи мне погромче, туга я на ухо.
Платки?.. И чепцы?.. И нарядные кофты?!
Клубочек, так вот оказался каков ты!
Спасибо тебе, говорящий клубок!..
Была бы я рада и паре чулок!
В лачужке старушки
Горит огонек:

Лавка да печка,
Пустой чугунок.
Роса серебрится,
Луна в облаках.
Проворные спицы
Мелькают в руках.
Вот свечка погасла,
И солнце блестит.
На лавке дубовой
Барашек стоит.

Ну есть ли на свете милее барашки?
Свисают с боков голубые кудряшки,
Кудрявые ножки, плетёные рожки.
Подпрыгнул барашек — сидит на окне.
Спрыгнул на землю и вымолвил: — Бе-е,
Бабушка, буду служить я тебе!

Я буду пастись

Возле рощи в тени,
А ты из кудрей моих
Нитку тяни.
Сиди и вяжи
Одно за другим:
Платок шерстяной,
За платком шерстяным
Чулки, одеяло
И тёплый чепец...
Нарядное платье
Свяжи, наконец.

Воды с той поры убежало немало.
Старуха стирать и варить перестала.
Сна и покоя старушка лишилась:
Жадность жестокая в ней поселилась.
Всё выше гора шерстяного добра,
И кажется, спицы уж бросить пора.

Но вяжет старуха
Платки и чулки,
Подушку, перину,
Шкатулку, очки,
Тарелки и ложки,
Комод и кровать...
Стенные часы
Ещё надо связать!
Котёнка и мышку
Связала. Потом
Связала и сад,
И ограду, и дом...

Устала. Из рук её выпали спицы.
Легла отдохнуть. Но старухе не спится.
«Живу я богато. Одетая, обутом.
И всё, что хотела, связала как будто».

И замысел страшный, петля за петлей,
Петляет в её голове шерстяной:

«Дров наколю
Шерстяным топором,
Огонь разожгу
В очаге шерстяном,
Копытца и рожки
Заброшу в траву
И добрых соседей
На пир позову,
Зажарю барашка!
Ведь, правду сказать,
Связала я всё,
Что хотела связать».

Решила. Ничьи не услышали уши.
Но всё же чепец её мысли подслушал,
Шепнул осторожно на ушко подушке,
Подушка шепнула перине-подружке.
Страшную весть услыхала кровать,
Стала комоду тихонько шептать.

Вся утварь кругом
Шерстяная встревожена:
Как же такое
Коварство возможно!
И стол разбудил
Шерстяного котенка:
Котенок поймал
Шерстяного мышонка:
— Скорей поспеши
К шерстяному барашку!
Старуха решила
Зажарить бедняжку!

Темно. Лишь деревья бормочут спросонок.
Свечки огарок затеплил мышонок,
Под шерстяную шмыгнул ограду
И побежал по кудрявому саду,
Туда, где под грушей большой шерстяной
Домик с крылечком стоит шерстяной.

Мышонок скребется,
Пищит у дверей:
— Барашек, вставай!
Поднимайся скорей!
Ты слышишь, барашек, —
Недобрая весть:
Хозяйка баранинки
Хочет поесть! —
Жучки, червячки
Затаились в ночи.
Во тьме догорает
Огарок свечи...

Теперь мы с мышонок расстанемся нашим
И сказку свою по-иному довяжем.
Ещё до рассвета проснулась старуха,
Ножик нашарила, кашляя глухо,
Двери ключом шерстяным заперла
И к шерстяному барашку пошла.
Вот груша
И домик его шерстяной.

— Что прячешь ты там,
В узелке за спиной?
Зачем ты, согнувшись,
Крадёшься ко мне? —
Барашек спросил,
Показавшись в окне.

— Мой добрый барашек,
Я в лавке была,
Морковку тебе
В узелке принесла.

Барашек сказал: — Ты несёшь не морковку,
Не свеклу, не пряник, а нож и верёвку! —
Подпрыгнул барашек, мелькнул его хвостик.
Бежит по дорожке. Летит через мостик.
Он скачет и тянет всю нить за собой...
Старуха кричит: — Помогите! Разбой!..

Крыша исчезла
На доме моём!
Петля за петлёй:
Распускается дом!
Взгляните, что стало
С комодом моим!
Платки и чулки мои
Тают как дым!
И новое платье,
И тёплый чепец!..
Сама я растаять
Могу, наконец!

Так и случилось, быть может. Не знаю.
Старуха ведь тоже была шерстяная.
Пушистую сказку из шерсти овечьей
Прислали посылкою мне издалече
Мои кумовья, и сватья, и родные,
Прислали её чудаки шерстяные.
Большую пушистую сказку мою
Берите, читайте, — я вам отдаю!

1957

Перевод Г. Сангира

Чем колодец глубже, тем темнее в нём, —
Ни к чему мне, право, эта глубина,
Лучше быть прозрачным для людей ручьём,
Где на дне песчинка каждая видна.

1957

Перевод А. Сендыка

МОЯ СКРИПКА

Сломан деревянный
Шип,
Разбита дека,
Струны оборвались,
Потерялись где-то.

Взял свою я скрипку,
Вышел за калитку,
К мастеру пришёл я:
— Вылечи мне скрипку!

Были скрыты в скрипке
И рассвет безбрежный,
Ручейка журчанье,
Мама голос нежный.

Я с немою скрипкой
Тоже нем, не весел.
У меня не стало
Ни стихов, ни песен.

Вот уносит мастер
Скрипку в мастерскую.
Будто у роддома,
У дверей тоскую...

1957

Перевод В. Цыбина

ДОРОГУ, ЛЮДИ ДОБРЫЕ

Я приобрёл для Береле
Рессорную карету.
Хоть крошкой пусть прокатится
В карете он по свету.

Дорогу, люди добрые,
Всё к выезду готово!
Но, но! Да вот обида, нет
У нас шлеи юфтовой.

Достал медяк. Пешком ещё
Находится мальчонка.
Но, но! Да нет у нас кнута,
Чтоб им пощёлкать звонко.

Наскрёб ещё медяшек горсть,
Опять не всё в порядке...
Есть кнут, шлея, не вижу я
Лишь малого — лошадки!

Ну что ж, впрягусь в карету сам,
Неплохо ослик тянет,
Пусть Береле меня добром
Когда-нибудь помянет.

И пусть всплакнёт мой юный дру.
О давнем — о былом,
Когда припомнит он, каким
Я добрым был ослом.

1957

Перевод Т. Спендиаровой

ЗИМА УЙДЁТ

Зима уйдёт,
Исчезнет холод,
И снова будет лето.

Тогда я закажу
Из моей вечной мечты
Зелёный костюм
И стану деревом...

Деревом стану
И буду ждать и молчать,
Подняв руки,
Как ветви,

Пока не прилетит птица
Из просторов
И не сошьёт себе гнездо
У меня под мышками.

1958

Перевод автора

СВЕТИЛО

Наша лампа
Чуть горит,
Угасает
И коптит.
Жук в восторге,
Он решил:
«Вот светило
Из светил!»

1958

Перевод Н. Ушакова

КТО ЧЕМ СВЕРКАЕТ

Сверкает
Яркий луг
Росой,
Карась —
Боками гладкими,
Мудрец — умом,
Лицо — красой,
А трус —
Босыми
Пятками.

1958

Перевод Р. Сефа

КТО ЧЕМ СВЕРКАЕТ

Сверкает
Яркий луг
Росой,
Карась —
Боками гладкими,
Мудрец — умом,
Лицо — красой,
А трус —
Босыми
Пятками.

1958

Перевод Р. Сефа

ВЕСЁЛЫЙ ПЛАКАТ

Висит у химчистки
Весёлый плакат:
Здесь вычистить могут
Ковёр и халат,
Рабочую куртку,
Двубортный пиджак,
Нарядное платье,
Прадедушкин фрак.
Пальто и штаны
Станут новыми тут.
Вот совесть в химчистку,
Увы, не берут!

1958

Перевод Р. Сефа

ВЕСЫ

Есть много весов:
Вот, к примеру, одни —
Живых карасей
Могут взвесить они.

А вот и другие —
Мы можем на них
С пелёнками взвесить
Детишек грудных.

В аптеке весы —
Чтоб делить порошок.
На складе —
Чтоб свешать картошки мешок.

Но только мои
Всех на свете нужней,
Хотя их не видел
Никто из людей.

На этих весах
Я всегда и повсюду
Слова свои бережно
Взвешивать буду.

1958

Перевод Р. Сефа

ГЛОТОК ВОДЫ

Солнце на небе,
Знойные дни.
Можно растаять
Даже в тени.
Ну и жарища!
Ну и денёк!..
— Выручи, внучек,
Сбегай, сынок,
Сбегай на рынок!
Можешь купить
Кислого, сладкого,
Терпкого, мятного,
Лишь бы прохладного,
Лишь бы приятного, —
Бабушке очень
Хочется пить.

Шумом и гамом
Полон базар —
Громко торговцы
Хвалят товар:
— Эй, подходите!
Дыни берите!
Дыни берите!
Эту купите
Или вон ту.
Спелые дыни!
Сладкие дыни!
Дыни, как сахар,
Тают во рту. —
«Дыни как сахар?
Как же тут быть?
Может быть, лучше
Сахар купить?»

Внучек собрался
Сахар взять,
В ту же минуту
Слышит опять:
— Эй, подходите!
Сахар берите!
Не прогадает
Тот, кто возьмёт
Крепкий мой сахар,
Белый мой сахар,
Сладкий мой сахар,
Сахар, как мёд! —

Внучек подумал:
«Сахар как мёд?
Может быть, бабушка
Мёду попьёт?»
Вот и прилавок.
Пчёлы кружат,
Громко над сладким
Мёдом жужжат.
А продавец
Прохожих зовёт —
Громче и громче
Хвалит свой мёд:
— Люди, смотрите!
Сами смотрите!
Мёд мой, как масло,
Льётся струёй.
Эй, подходите!
Мёду берите!
Льётся, как масло,
Мёд золотой!

Внучек подумал:
«Вот и прекрасно!
Значит, куплю я
Бабушке масла».
Только решил
Пойти покупать,
В ту же минуту
Слышит опять:
— Эй, подходите!
Масло берите!
Будете рады
Наверняка!
Свежее масло,
Чистое масло,
Словно водица
Из родника!

Внучек подумал:
«Значит, тогда
Лучше всего
Простая вода...»
Крынку скорей
Наполнив водой,
Мальчик помчался
Прямо домой.

Сделала бабушка
Первый глоток —
Только сказала:
— Ну и денёк!.. —
После второго
Вздохнула: — Да-а.
Слаще, чем сахар,
Эта вода! —
Бабушка хвалит,
Хвалит и пьёт: —

Что за водица!
Слаще, чем мёд!

1958
Перевод Р. Сефа

ЧТО ГДЕ СПРЯТАНО

Дерево прячет
Корни в земле.
Искры таятся
В тёплой золе.

В жёлуде зрелом
Спрятан дубок.
В хрупкой скорлупке
Спрятан желток.

Жемчуг — в ракушке,
Рыба — в пруду.
Только лишь глупость
Одна на виду!

1958

Перевод В. Донниковой

КОМАР

О чём поёт, не разберу.
Подставил ухо комару.
— О гений! Гений! — ноет он.
Комарик мал, зато смышлён.
Жужжит, не хочет улетать.
Подставил ухо я опять.
Давай, мол, не стесняйся, мол!
И он пропел:
— Осёл!
Осёл!

1958

Перевод Г. Сапгира

КОЛОКОЛЬЧИК

На шее вола
Колокольчик звенит,
Ничем колокольчик
Не знаменит.

Не стал бы никто
Говорить о таком,
Если б он сам
Не болтал языком:
Ди-ли, ди-ли динь!
Ди-ли, ди-ли дон!
Какой у меня
Замечательный звон!

Не зря на базаре
Хотели вчера
Отдать за меня
Целый пуд серебра!

Собой колокольчик
Доволен вполне:
Звенит и не знает,
Что звон не в цене,

Что он без вола
На базаре — пустяк!
Цена колокольчику —
Стёртый пятак!

1958

Перевод О. Карышевой

УЧИТЕЛЬ

Морозно утро. Всё белым-бело.
Себя я вижу чёрной точкой в поле.
Вдоль косогора, по дороге к школе,
Клубочком пряжи прилегло село.

Снега, снега... Деревья как в цвету.
Не опоздать бы к первому уроку...
Я по следам учителя иду,
В сугробах отпечатанным глубоко.

Теперь я сед. Счёт потерял годам
И многое из памяти роняю.
Но и поныне по его следам
Ступаю я, шаги по ним равняя.

1958

Перевод Т. Спендиаровой

ПО ТУ СТОРОНУ СНОВИДЕНИЯ

Платить нечем, перевозчик!
Всё равно прошу его:
— Переправь же на ту сторону
Сновиденья моего.

От того, что я услышу
И увижу среди теней,
Я, наверное, не стану,
Перевозчик мой, седей.

Соберу там не подарки
Для знакомых, для живых,
А оплывшие огарки
Свеч печальных восковых.

Это я, Овсей Овсеевич,
Сын местечка,
Веря сну,
Я скатаю все огарочки
В преогромную свечу

И взвалю её на плечи,
Плечи слабые свои.
И на Эйфелеву башню
Водружу:
«Гори, свети!»

Поминальную, святую
Я одну на всех зажѐг,
В память тех, кто под Варшавой
И под Киевом полѐг.

И пускай роняет слёзы
Мой подсвечник. Ничего...
Я собрал их по ту сторону
Сновиденья моего.

1958

Перевод В. Цыбина

ГДЕ ПЧЁЛЫ, ТАМ МЁД

Медку нацедил
Дед Нафтоле из сот.
Сказал он внучатам:
— Где пчёлы, там мёд. —
Тут грозно над дедом
Пчела зажжужала.
— Что ж делать! — сказал он. —
Где мёд, там и жало!

1958

Перевод Т. Спендиаровой

МЕЛЬНИК

Бывает, сяду с другом
За кружкой пивной,
И вдруг проснётся юность,
Овладевая мной.

Ей надо петь и прыгать,
Она напряжена,
Как под смычком скрипичным
Певучая струна.

Но плохо верят люди
Струне заветной той,
Твердят они: «Опомнись,
Ведь ты совсем седой».

Ну как мне доказать им,
Что старость далека,
Что с мельницы пришёл я
И в волосах мука,

За мельницей травинки,
Седые от муки,
Кругом в полях осенних
Синеют васильки.

Тот день был тих. Шафраном
Пропахший ветерок
Дремал, когда с винтовкой
Я за мешками лег.

Потом разрыва грохот,
Нахлынувшая мгла...
И вдруг: «Открой-ка, мельник,
Я жито привезла».

Я выполз через силу,
И охнула тогда
Крестьянка пожилая:
«Ой, лишенько — беда!»

А после приютила,
Но только жаль до слёз,
Что так и не отмыла
Муки с моих волос.

1959

Перевод А. Сендыка

ЧАСЫ

У метромоста мы живём, и вы
Вздыхаете: мол, шум осточертел.
А я бы этот мост с реки Москвы
Охотно снял и на руку надел

Взамен часов. Глаза едва продрав,
Вы крикнете: «В запасе время есть?»
А я б ответил, приподняв рукав:
«Грохочет первый поезд — ровно шесть!»

У метромоста дом мой — пусть всегда
Сквозь сны поэтов мчатся поезда.

1959

Перевод А. Сендыка

СТАРЫЙ ДЕД

Ты собрался в лес зачем?
Стар ты, немощен совсем.

Нравы речек там круты,
Там подорваны мосты.

Там паромщики мертвы,
Там не сносишь головы.

Разогнувшись, старый дед
Пареньку сказал в ответ:

«Ещё зелен ты и глуп —
Дважды ведь не рубят дуб»

1959

Перевод А. Сендыка

ВОСПОМИНАНИЯ

Где ты, избушка наша,
Зимний денёк короткий,
Где вы, где вы, окошечки,
Словно глаза сиротки?

Где вы, тихие сумерки,
Первых снегов седины?
Где вы, сизые гуленьки,
Словно вздохи родимой?

Играйте же, дети, играйте,
Играйте в орёл и решку,
Дедушке не мешайте
Целовать головешки.

1959

Перевод Т. Спендиаровой

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

В далёкий век, давно минувший век
Лить бронзу научился человек.
Чтоб свой очаг от недруга сберечь,
Он смастерил копье и острый меч.
Жестоким силам зла наперекор
Нож выковал и молот и топор.
Откуда было знать ему, что он
Открыл в ту пору колокольный звон?

1959

Перевод Т. Спендиаровой

* * *

Оставляет
Ветка плод,
Оставляет
Пчёлка мёд,
Нивы —
Золото зерна,
Золотой янтарь —
Сосна,
Овцы —
Тонкое руно,
Лозы —
Пряное питье,
Оставляет человек
Имя доброе своё.

1959

Перевод Т. Спендиаровой

ПАРОМЩИК

Всё может случиться,
Иссякнет родник.
Нет! Я не повисну на старой клюке
Немощью ветхой.
Я уйду на большую реку
И наймусь на широкий паром.
Там, намаявшись за день,
Я растянусь блаженно,
Улягусь на лунную тень
И тенью луны прикроюсь.
Под щекою — берег песчаный,
А у ног тот далёкий берег.
Но если дождливой ночью,
Разбушевавшись, река
С каната сорвёт мой паром,
Будите меня!
Не жалея, будите меня!
Лодкой ладони сложу.
Перевезу.

1959

Перевод Г. Сагиря

1. НОВОСЕЛЬЕ

Сегодня в старом доме новоселье.
Его извечный распорядок прост:
Чтоб подвести фундамент под веселье,
Старейший произносит первый тост:

«Я пью за тех, кто век назад пришёл
Холм увенчать могучим этим срубом,
Сложил очаг, настлал здесь тёплый пол,
Направил в небо первый дым по трубам.

Пью чару за бессмертье мастеров,
За всех, кто так богат теплом и светом,
За счастье тех, кто через сто годов

Вновь справит новоселье в доме этом».
Так со стены сказали без запинки
Часы, сто лет не знавшие починки.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

2. БУРЯ

Сплетаясь ветвями, бури ждут берёзы.
Могучим россиянкам по плечу
Ветра любые отражать и грозы;
Их, ясных, не задуеть как свечу.

И вот свалилась буря, налетела...
Ревя, несутся по реке валы,
Луну смели потоки мутной мглы,
Вихрь за окном трубит осатанело.

И ожил дом, с ним все его тесины,
В заглохшем сердце снова гром и хмель.
Запела, загудела древесина,

Как под тугим смычком виолончель.
В ту ночь, в стозвучный тот переполох,
Мир, как Бетховен некогда, оглох.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

3. ДВЕРЬ

Да, участь вашей старой двери очень
С моею схожа, мой бесценный друг.
И я ждал годы, прочно заколочен,
Чтоб быть раскрытым парой добрых рук,

Чтоб сердце стало обжитым и тёплым,
Чтоб конопатить плотники пришли
Мне рёбра, чтоб озябнувшие вётлы
На огонек в ненастье забрели.

Лицом к ветрам, мы оба принимаем,
Как повитухи, вьюгу у зимы,
Зарю у неба, радугу у мая,

И лишь в одном не схожи с нею мы:
Нашли для вашей двери вы подкову,
Чтоб в старый дом вошло бы счастье снова.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

4. ВИНОГРАДНИК

Пришёл я к винограднику однажды
И стал просить: «Послушай, чародей,
Моя душа изнемогла от жажды,
Открой истоки мудрости своей».

И чародей повёл меня под корни
Лозы, где притаился смех грустя,
Где скорбь светлей, где радость непокорней,
Где камень может плакать, как дитя.

А на рассвете меж листвы высоко
Светились гроздья, дожидаясь губ.
Их рвали, добавляли солнце к соку

И влагу одевали в крепкий дуб, —
Чтоб каждый, кто умеет пить до дна,
С водой не путал терпкого вина.

1960

Перевод А. Сендыка

5. ЗАБОДАЙ МЕНЯ БЫЧОК

В те дни, когда гонял я, босоног,
Со мной в обнимку сказка ночевала,
Особой клятвой клялся я, бывало:
«Коль вру я, забодай меня бычок!»

Был добр ко мне бычок: пусть подрастёт,
С годами образумится врунишка, —
Но образумиться не думал вовсе тот,
Рос, обходя животное, мальчишка.

Иду я нынче к вам и вижу вдруг:
Стоит он у ворот как в землю врытый
— Что вздумал ты, я в седилах, друг! —

А он в ответ лишь замычал сердито.
— Года не в счёт, — я не признать не мог.
Ну что же, забодай меня, бычок!

1960

Перевод Т. Спендиаровой

6. КОНИ

Лука заречья цветников пестрей.
С весёлым ржаньем, грив струя каскады,
В лучах играют кони, травы рады
Касаньям жарких, шумных их ноздрей.

Для табуна всего здесь в изобилье.
— Проснитесь же легенды, ваш черёд!
Несут коней серебряные крылья,
Стал им попоной синий небосвод.

Их ключ с ладони кормит рафинадом...
Завеса лет спадает, посмотри. —
Вскачь конники несутся ряд за рядом,

Горят лампы, точно кровь зари.
Блестя клинками, пронеслась громада,
Свистит, звенит ещё в ушах «Гренада».

1960

Перевод Т. Спендиаровой

7. КАНОНУ ВОПРЕКИ

Канону вопреки, в сонете можно
Порой недосчитать строку одну...
Бродя по кочкам, апст осторожный
Боятся наступить на тишину.

Пойдём туда за ним, и щебет птичий,
Как землянику в шапки, соберём.
Осинки водят хоровод девичий,
Украшившись поддельным янтарём.

Накрошим перелетным птицам хлеба,
В раздумье посидим у лозняка,
Проводим их в распахнутое небо
И будем пить синь осени, пока

Не пролетит последняя строка.

1960

Перевод А. Сендыка

ВАМ, ЛЮДИ

Нет у ни воска,
Ни дратвы, ни шила,
Есть у меня
Лишь перо и чернила.

Я всё же возьму
Золотую зарю,
Сошью башмачки,
Малышам подарю.

Хоть и босыми
Им бегать нетрудно,
Пусть обуваются
В доброе утро.

Нет ни ножниц,
Ни полотна.
Есть у меня
Бумага одна.

Всё же возьму
Этот полдень звонкий
И всем ребятишкам
Скрою рубашонки.

Пусть в мой счастливый
Ситцевый день
Матери всюду
Оденут детей.

Нет у ни спиц,
Ни шерсти кручёной.
Есть у меня
Карандаш мой точёный.

И всё же из солнечной пряжи
Заката
Свяжу колпачки
И отдам их ребятам.

Чтобы все дети,
Вблизи и вдали,
Добрый мой вечер
Вам, люди, несли.

1960

Перевод Г. Сангира

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пароход и якорь.
Ходики и гири.
А у дома фонари:
Раз, два, три, четыре.

Якорь бросит
Пароход,
Кто-то на берег
Сойдёт,
Мимо ярких
Фонарей
Поспешит домой
Скорей.

Мирно ходики стучат,
Тишина в квартире,
Лучше дома не найти
Места в целом мире.

1960

Перевод Г. Сангира

МОЙ ДЕД

Не вчера, не сегодня
И, как видно, не в прошлом году,
Давно,
Но, возможно, не очень
Мой дед узнал,
На свою, как известно, беду,
Что там — по ту сторону ночи,
Горящие свечи
За тысячу лет
Наплакали город,
Прекрасней которого нет!

И, услышав от кого-то
Про замки, утесы и гроты,
Дед мой
Запряг свою старую клячу,
Бабушку расцеловал
Напоследок...
И за телегой
Побрёл наудачу
Сказку искать
Мой доверчивый предок.
Что ему там понадобилось,
Был бы здоров и жив?!
Но, говорят, фантастический
Город из воска
Красив...

1960

Перевод Г. Сагиря

РАССКАЗ МОЕГО ДЕДА

Спросил у блохи я:
— Скажи, будь добра,
Что ты всё пляшешь
С утра до утра?

А та мне в ответ:
— У меня лихорадка,
Я в шкуру медведя
Залезла украдкой.

Только хотела,
Пригревшись, уснуть,
Вижу: охотник
Мне целится в грудь.

К счастью, охотник
Рассеянным был:
Метил в меня,
А медведя убил.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

РАССКАЗ МОЕГО ДЕДА

Блоху однажды встретя,
спросил её мой дед —
"Чему, блоха, ты рада?",
а та ему в ответ:
" Я в среду заболела —
простуда, кашель, жар —
И в шкуре у медведя
решила полежать.
Лежу себе спокойно,
поставила компресс...
И вижу вдруг охотника,
и слышу страшный треск!
Но мне каким-то чудом
случилось уцелеть —
Стрелял в меня охотник,
а был убит медведь!..."

1960

Перевод А. Лейзеровича

КНИГА МОЕГО ДЕДА

В этой древней книге,
Между книжных корочек,
На странице тысяча
Триста тридцать три —
Червячками книжными
Выточенный город
С кривыми переулками,
С домами,
Посмотри!
Выточили город,
Всё равно что вышили,
Это удивительно,
Какие существа!
Так бы там и жили
И никогда не слышали,
Что существует небо,
И солнце,
И трава.

1960

Перевод Г. Сатгира

ЧАЙ СО ЗВЁЗДАМИ

Ах,
Если б всё
Вернуть судьба
Могла!
Мне — каплю счастья,
Чёрным дням — улыбку,
Зарезанной гусыне —
Взмах крыла,
Сухому руслу —
Золотую рыбку.
Вернуть могла бы
Сыну моему
Блеск пузырей,
С соломинки
Слетевших,
Что лопнули,
Минуты
Не потешив,
И чай со звёздами,
Что принесла ему
Ночь, канувшая
Навсегда во тьму.

Спи, спи, глупыш,
Тревогу прочь с лица.
Знай, не бывает
У мечты конца.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

ОЗОРНИЦА

Семь дней в неделе,
Семь тревожных дней.
Я принёс их
Моей озорнице.
Едва взглянула —
«Мало, — сказала она, —
Мало тепла».

Тогда я принёс ей
Семь лунных ночей,
Я принёс
Семь бессонных ночей.
Едва взглянула —
«Мало, — сказала она, —
Мало звёзд».

Тогда я принёс
Мои семь рассветов,
Семь припрятанных рассветов.
Она взглянула
И лукаво сказала:
«Доброе утро,
Дедушка!»

1960

Перевод Г. Сангира

УЛЫБКА МИЛОЙ

Жжёт моё сердце болью,
Ставшей огнём и горем, –
Не потушить рекою,
Не потушить и морем.

Если б улыбка милой
Снова мне засветилась —
Боль бы моя потухла,
Будто и не родилась...

1960

Перевод В. Цыбина

КТО ЧТО МЕЛЕТ

Мельники мелют
Зерно жерновами.
Перец в горошинах
Мелем мы сами.

Кофе, что в зёрнах
Лежит на витрине,
Мелет при нас
Продавец в магазине,

Но одного мы
Никак не поймём:
Что это мелет
Болтун языком?

1960

Перевод Р. Сефа

ЗАБОТЫ

Довольно ты пожил, смеясь и шутя,
Прими-ка заботы на плечи, дитя,
Чтоб маме не видеть, как вычернит тень
Твой завтрашний, твой послезавтрашний день.

Чтоб град не губил цвета вешнего впредь,
Злой волк оленёнка, ягнёнка медведь,
Чтоб вновь не могли мы увидеть с тобой,
Как певчие скрипки везут на убой.

1960

Перевод Т. Спендиаровой

СЕГОДНЯ

Сегодня я хочу быть острым тростником,
Сегодня я хочу быть нежным лепестком.
Сегодня я хочу смеяться и рыдать,
Сегодня я хочу опорой слабым стать,
Хочу сегодня я скорбеть, хочу шутить,
Сегодня я хочу ласкать и грубым быть.
Я выиграть буду рад и проиграться рад, —
Сегодня я хочу всего, чем день богат.

1960

Перевод А. Сендыка

ПЕСЕНКА О ГЛИНЕ

Я люблю комочек глины
Разминать в ладони
И при этом напевать:
«Кони мои, кони...»

О далёком детстве
Вспоминать люблю я:
Вот опять из глины
Скакуна леплю я.

Ласточек люблю я,
Быстрых и пугливых,
Потому что лепят
Домики из глины.

Ой ты, глина красная!
Домик над рекою,
Глиняные крынки,
Глиняные кони.

1960

Перевод Г. Сагвир

ДЕВУШКА ШЛА

Девушка шла
По земле не спеша,
Люди смотрели
Ей вслед — «хороша!».

Шла она —
Добрая весть красоты,
Взгляды с собой
Унося, как цветы.

1961

Перевод Т. Спендиаровой

БЫВАЕТ ПО-РАЗНОМУ

Очень приятен
Дождик косой:
Вволю по лужам
Шлёпай босой.

Греют приятно
Косые лучи:
Ворот раскрой
И простуду лечи.

Но взгляды косые
Не очень приятны,
Особенно если
На совести — пятна.

1961

Перевод Т. Спендиаровой

МОЯ БАБУШКА

 Может, этак,
 Может, так, —
Не попасть бы мне впросак:
 Если наша бабушка —
 Это просто бабушка,
Почему ж на ней не шляпка,
Не платок, не шарф, а шапка
 И погоны со звездой
 На дорожке голубой?
Почему её соседи
Называют с давних пор
 «Товарищ майор»?

 Может, этак,
 Может, так, —
Не попасть бы мне впросак:
 Если наша бабушка —
 Это просто бабушка,
Где же, где её очки,
Где вязальные крючки,
Шерсти пёстрые мотки,
Туфли с меховой подкладкой
И бутылъ с наливкой сладкой?

 Может, этак,
 Может, так, —
Не попасть бы мне впросак:
 Если наша бабушка —
 Не простая бабушка,
Что ж, её, как все соседи,
Буду звать я с этих пор
 «Товарищ майор»!

1961

Перевод М. Замаховской

ЧУТКИЙ ПЁС

Раз обратился
К Полкану Барбос:
— Что-то со мною,
Как видно, стряслось.

Чую воров я,
Но вот в чём беда:
И на хозяев
Рычу иногда.

— Что же, — Полкан
Отвечает дружку, —
И у хозяев, знать,
Рыльце в пушку!

1961

Перевод Т. Спендиаровой

БЕЛКА (Осень)

Как молния, белка
По сучьям прошла
И в то же мгновенье
Весь лес подожгла.

Пожар всё сильнее,
И пламя ярится,
И шуба медвежья
Вот-вот загорится.

Испугана белка.
Не знает она,
Что осень в поджоге
Виновна одна.

1961

Перевод Б. Слуцкого

ЖИВЫЕ ЧАСЫ

В траве мелькнуло пёрышко.
Гляжу: щегол-малютка.
На крыльях неокрепших
Летать — не шутка.

И счастлив я, как маленький:
Живой щегол!
О нет,
Держу в руке я часики —
Мечту далёких лет.

Они так звонко тикали,
Но их носил мой дядя.
Я дух с трудом переводил,
На них украдкой глядя.

И дядя дал послушать мне.
О чудо! И никак
Не мог я оторваться:
Тик-так,
Тик-так,
Тик-так.

Просил я: «Ради бога,
Позволь мне их потрогать!»
Как плакал я! Чудак!

Мой дядя, добрый дядя,
Был отказать не в силах,
Он снял часы и тихо
В ладонь мне положил их.

Я всхлипывал в кроватке,
Зажав часы в кулак,

И, засыпая,
Слушал:
Тик-так,
Тик-так,
Тик-так.

Но осторожно пальцы
Мои разжала мама,
Взяла неслышно часики,
Сказала: — Спи, упрямый.

Спи. Улетели часики. —
Я верил:
Как-никак,
А часики живые:
Тик-так,
Тик-так,
Тик-так.

И вот уж сам я дядя,
Мечтатель седоватый,
Живые чудо-часики
В моей руке зажаты.

Не сон ли это, право?
Послушай-ка, чудак!
Не выдумка ли это
Безумца и поэта?..
Тик-так,
Тик-так,
Тик-так.

Не трепещи, мой пленник,
Не бойся, милый, — скоро
Я задремлю, усталый,
Ты упорхнешь в просторы,

Ведь упорхнули так
Мои живые часики,
Тик-так,
Тик-так,
Тик-так.

1961

Перевод А. Ревича

БЕЛЫЙ ГОЛУБОК

Шёл через речку я
Мостиком шатким,
И ветер унёс
Мою старую шапку.

Что будешь делать?...
Надел я пока
Белого, как облака,
Голубка.

А люди не знают,
Что я надел,
И говорят:
— Человек поседел.

1961
Перевод Ф. Дектора

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Шёл через поле я,
шёл я по шляху,
и ветер сорвал
мою старую шляпу.

Чтоб не студило мне
голую голову,
надел я на голову
белого голубя.

А люди не видели,
что я надел,
и мне говорят —
Как же ты поседел!

1961
Перевод А. Лейзеровича

УМНЫЕ СВЕТОФОРЫ

Шли люди. Продукты несли
И портфели.
Шёл я — и птицы
За пазухой пели.

Но что-то случилось!
Стою, как в лесу,
Забыл, кому птиц
Своих певчих несу.

Стою, как слепой,
Среди белого дня.
Несутся машины —
И все на меня!

Но вот светофоры
Блеснули глазами.
И встали машины,
И город весь замер.

— Стойте! — кричали
Дорожные знаки. —
Дайте спокойно
Вспомнить бедняге,

Кто он и где он.
Но главный вопрос:
Кому своих птиц
Он за пазухой нёс?

1961

Перевод Г. Сангира

УМНЫЕ СВЕТОФОРЫ

Сновали люди по улице,
несли баранки и халы,
и я шёл с ними по улице,
и птицы в груди трепыхались.
Но вдруг словно что-то случилось —
смешались люди и лица,
забыл я, кому я нужен,
кому нужны мои птицы.
Растерянный и затурканный,
стою посреди мешанины —
сейчас вот наедут, настигнут,
раздавят меня машины!...
Но не шагнул, не поехал,
не сдвинулся с места город —
меня из беды выручили
умные светофоры:
без шума, без лишнего гомона
мигнули зелёным светом,
дали мне время вспомнить —
зачем я на свете этом...

1961

Перевод А. Лейзеровича

УЧИТЕЛЬ

Чуть-чуть глаза прищурились, и тотчас же
Становится вокруг белым-бело.
Лежит клубком пушистой белой пряжи
Среди полей родимое село.

Лишь ниточка по косогору кружит,
К той проруби спускается, змеясь,
Похожей на бездонный синий глаз,
Где мать моя бельё полощет в стужу.

Вот он, наш старый, неказистый дом,
Под клетью пёс прижался лопухий,
Пропах дымок берёзовым листом,
Капустою, бедняцкой затирухой.

Задумчивый телёнок у плетня,
С глазами влажными, как простокваша...
Нахлынуло так детство на меня —
Оно чем отдалённее, тем краше.

Чуть-чуть глаза прищуришь — ранний час.
Не тронут снег. Но вот, прямой и строгий,
Прошёл учитель в школу мимо нас,
Следы его синеют на дороге.

Из лунки в лунку я за ним иду,
Обваливая ледяную кромку,
Всё время повторяя на ходу:
«Кого — чего, кому — чему» — негромко.

Растягиваю как могу шажки,
Чтоб точно вставить в лунку сапожки.

Уж иней мне посеребрил виски,
Как мне давно по возрасту пристало,
По свету разбрелись ученики,
И старого учителя не стало.

Счёт потерял я людям и годам,
И многое из памяти роняю,
Но и поныне по его следам
Ступаю я, шаги по ним ровняя.

1962

Перевод Т. Спендиаровой

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ (Шутка)

Я к ней — майской теплотой, а она — бураном,
Я к ней — солнечным лучом, а она — туманом.
Я с сердечным словом к ней, а она — с ухмылкой,
Я с открытым к ней лицом, а она — затылком.
Я к ней с мёдом сладким, а она с солонкой,
Я к ней — с васильками, а она — сторонкой.

Я к ней — со стихами, а она — смешочком,
Я к ней — со слезами, а она — с платочком.
Я полями напрямик, а она — к венцу.
Я веду к дубраве, а она — к отцу.
Я ей — о разлуке, а она — о свадьбе.
Я к ней — умница моя, а она — не знать бы!
Провожает шепоток: «И у нас так было...
Настоящая любовь,
Глянешь — любо-мило!»

1962

Перевод В. Цыбина

БУДЬ Я САМЫМ ГЛАВНЫМ

Будь я самым-самым главным,
Всех главней на свете,
Разве мог бы я не быть
За детей в ответе?

Не скрипеть вовек дверям
Отдал бы приказ я,
Для чего три раза в день
Петли мазать маслом.

Шить сапожникам велел бы
Мягких туфель вороха,
Чтоб не слышно было больше
Ни шума, ни шороха.

Приказал бы объявление
На весь свет размножить,
Что чернее нет греха,
Чем дитя тревожить.

Будь я самым-самым главным,
Всех главней на свете,
Разве мог бы я не быть
За детей в ответе?

Повелел бы горы дров
Потратить, не жалея,
Чтобы три огромных моря
Вскипятить скорее.

Мир промыть в них до костей
И остричь до мяса
Ногти грязные ему,
Не промедлив часа,

Чтоб не мог он испугать
Малышей спросонок,
Не чурался бы его
Сызмальства ребёнок.

Кто ослушается, будет
Заклеймён, забыт.
Тише, тише, тише,
Тсс... ребёнок спит.

1962

Перевод Т. Спендиаровой

ВОТ-ВОТ...

Вот-вот — холода,
И в лесу облетевшем
Останется сердце
Гнездом опустевшим.

И буду я ждать,
И зима будет длиться,
Пока не вернётся
Домой моя птица

И несколько бусин —
Жемчужин красивых —
Положит в гнездо,
Чтобы ты их носила.

1962

Перевод Г. Сангира

КАМЕНЬ В ОГОРОД

Любую песчинку
Замечу я вроде.
Но почему же
В моём огороде
Камня, который
Мне бросил сосед,
Не замечаю?
В чём тут секрет?

1962

Перевод Г. Сапгира

НЕ СЛУШАЙТЕ ОХОТНИКОВ

Не слушайте охотников!
Так врать, как врут они,
На белом свете могут лишь
Охотники одни.

Пришлось от них услышать
Не раз мне и не два,
Что перегнуть козулю
Осёл бы мог едва.

Что я как черепаха
Лишь ковылять горазд.
И это говорилось
Не раз, не два — сто раз!

С тех пор едва минуло
Каких-нибудь три дня,
И всё ж пришлось козулю
Взвалить им на меня.

1962

Перевод Г. Спендиаровой

БЛИЗНЕЦЫ

Я и хозяин мой
В жару не унываем —
Соломенные шляпы
Мы оба надеваем.

Показывают пальцами
Мальчишки-сорванцы:
— Их просто различить нельзя.
Вот это близнецы!

Да, мы похожи очень,
Но только не во всём —
Есть крупный недостаток
В хозяине моём.

Он маленькие уши
Под шляпой спрятать рад.
Зато мои, ослиные,
Из прорези торчат.

1962

Перевод Р. Сефа

И – А

Хозяин мой, портной,
Вчера пришил к уздечке
Две шёлковые кисти
И медные колечки.

И я подумал с гордостью,
Что в случае таком
Я попросту обязан стать
Известным рысаком.

Не буду больше я таскать
Тележки и возы,
А стану я на скачках брать
Все лучшие призы.

Но тут пришёл хозяин
И среди бела дня
Сказал мне, что уздечку
Он сшил не для меня.

От горя и обиды
Я уронил слезу, —
Нет, рысаку уздечку
Я сам не повезу.

И вот стоим мы оба —
Хозяин мой и я.
Вы слышите, я плачу:
И-а! И-а! И-а!

1962

Перевод Р. Сефа

ЗАСТОЛЬНАЯ

Мамалыга горяча,
Так и пышет с пылу с жару,
Будем пить и толковать:
Тары-бары, тары-бары...
И не так мне буль-буль-буль
И грудинка на мангале,
Просто бочку очень жаль,
Позабытую в подвале.

Зябко там,
Сыро там,
Света никакого.
Чтоб такое пережить,
Надо быть дубовой!

Так поднимем же скорей
Кружки, чашки, кубки, чары!
Будем пить и толковать:
Тары-бары, тары-бары.
И не так мне буль-буль-буль,
Сладкий перец и грибочки,
Просто очень жаль вина,
Крепко запертого в бочке.

Зябко там,
Сыро там,
Одиноко тоже.
Да, такое пережить
Только уксус может!

«Дружба» — старое вино,
Только мы с тобой не стары.
Будем пить и толковать:
Тары-бары, тары-бары...

И не так нам буль-буль-буль
И жаркое из барашка,
Просто бочку жаль до слёз, —
Эх, пуста бедняжка!

1962

Перевод Г. Сангира

ТРАЙ-ЛАЙ-ЛАЙ

В мои двери никто не стучит.
Лишь старьевщик нанес мне визит,
Постучался ко мне на чердак.
И я вынес ему лапсердак.
Он помял сукно,
Подошёл к окну,
Поглядел на свет —
Да или нет?
Можно ли эту вещь
Перелицевать,
Чтоб хоть раз пройтись,
Потанцевать?

Головой покачал
Этот старый чудака
И сказал:
— Ай-яй-яй,
Это уже не лапсердак,
Это уже трай-лай-лай.

— Ай-яй-яй,
Как время спешит!
Лапсердак
Был отлично пошит,
И на свадьбе,
Здрав свои помы,
Он отплясывал
Фрейлехс весёлый.

Многим девушкам
Ночью он снился,
Ведь ещё воротник
Не лоснился.
Как он дрался
Лет сорок назад!

До сих пор
Мои ребра болят...
А теперь,
Ай-яй-яй,
Это уже не лапсердак,
А трай-лай-лай.
Трай-лай-лай.

1962

Перевод Г. Сапгира

МОИ ЦВЕТЫ

Когда вползает ночь в мой сад,
Меня охватывает страх.
Деревьев дремлет бледный ряд.
Я беспокоюсь о цветах.
Как беззащитны губы те,
Белея смутно в темноте!

Боюсь, какой-нибудь гуляка
Чернее чёрного войдёт
И лепестки их обожжёт
Дыханьем, что чернее мрака,
Позорной бранью, как бичом,
Хлестнёт — и будет ни при чём.

Когда чужой найдёт мой сад
Меж изгородей оробелых,
Из рюмок и бокалов белых
Прольётся тёплый аромат
И улетучится, как сон,
Холодным ветром унесён.

И вот на небе будет явлен
Высокий свет другого дня.
Потребуется он у меня
Цветы шиповника и яблонь.
Что я скажу? Не уберёт?
Проспал бездумно, как сурок?

Нет, нет, я подходил к окну
Десятки раз по крайней мере,
Я вглядывался в тишину
И видел, как цветы немели...
Всё ж, если свет застанет мёртвым сад,
Я виноват!

1962

Перевод Г. Сагвир

У ДОКТОРА

Старенький доктор —
С таким не шути!
Ухо прижал
К моей тощей груди.

Пальцем постукал,
Хоть верь, хоть не верь,
Словно в чужую,
Закрытую дверь.

И, в удивленье
Склонясь надо мной,
Вымолвил: «Где твоё сердце,
Больной?»

«Старенький доктор,
Что делать, прости.
Сердце не смог я
Держать взаперти.

Жаждем узнать
Я и сердце моё:
Из-за чего
Подралось вороньё?

Как те, кому
Чёрный кофе хорош,
Бить могут чёрных людей
Ни за грош?

Ради чего
Зеленеют леса?
Не растеряли ли звезд
Небеса?..

Надо
Бесчувственным стать чурбаном,
Чтоб сердце больное
Держать под замком».

1962

Перевод А. Сендыка

У ДОКТОРА

Учёнейший доктор, великий учёный
Прослушивал грудь мою трубочкой чёрной.
Он долго по рёбрам стучал своим пальцем,
Как будто бы в дом одинокий стучался,
И удивлённо сказал мне потом он —
Но где ж твоё сердце? Его нету дома!
— Ах, добрый мой доктор, откуда ж мне знать?
Я сердце не смог под замком удержать —
Всё нужно ему, до всего ему дело:
О чём там вороны галдят очумело,
Зачем из-под снега цветок тянет стебель,
И что себе думают звёзды на небе...
Ну разве тюремщик я, доктор мой добрый,
Чтоб сердце держать своё в клетке из рёбер?

1962

Перевод А. Лейзеровича

ЗЕЛЁНАЯ СТАРОСТЬ

Эй, портной, погляди,
Я принёс тебе листья,
Ворох зелёных листьев.
Сними с меня мерку
И шей мне зелёный сюртук —
Зелёную старость.
Пусть удивляются птицы:
Ожило старое дерево,
Покрылось зелёной листвой.
Пусть они
Гнёзда совьют на ветвях.
Пусть ведёт ко мне
Лесная тропинка.
Пусть в тени моей
Тихо качается колыбель.

1963

Перевод Г. Саггир

ЗЕЛЁНАЯ СТАРОСТЬ

Мой милый портной, ни драпа, ни шёлку —
принёс я листьев зелёных кошёлку.
Я листьев принёс тебе полные жмени —
Зелёную старость, пожалуйста, шей мне.
Я руки раскину, я |вытянусь к звёздам —
пусть птицы совьют на плечах моих гнёзда,
а люди — поверят, что дерево это,
и люльку повесят в тени моих веток.

1963

Перевод А. Лейзеровича

ЛИСТЬЯ

Ах, как красиво рождаются листья!
Словно кулачки новорождённого,
Ещё сжатые,
Ещё замкнутые,
Но уже в небо нацелены:
— Всё моё!
Всё моё!

Ах, как красиво умирают листья!
Словно раскрытые восковые ладони
Того,
Кто уходит в мир иной:
— Смотрите,
Мы ничего не взяли с собой.
Ничего.

ЛИСТЬЯ

1963
Перевод Г. Сапгира

Ах, как лихо
острия зелёных почек
воздымают ветки в небо!
Глянцевитые, тугие,
словно кулачки младенца,
сжатые со всею силой,
требуя себе весь мир.
Ох, как тихо
вниз спускаются, ложатся
листья жёлтые на землю.
Как усталые ладони,
все в мозолях и морщинах...
Словно говорят, прощаясь, —
Мы не взяли
ничего.

1963
Перевод А. Лейзеровича

ЧТОБЫ БЫЛО НЕПОВАДНО

Я помню, как в детстве
Лежал я и думал:
А что, если б ночью
Я взял бы да умер?

Проснулся бы я
С наступлением дня
И сразу бы понял,
Что нету меня!

Обшарил бы кухню,
Залез бы под стол
И в банке с вареньем
Себя бы нашёл.

Вспылил бы я так,
Как отец мой вспылил бы.
И снял бы ремень,
И немедля побил бы,

И выдрал бы я
Сам себя презрядно,
Чтоб впредь умирать
Было мне неповадно!

1963

Перевод Б. Слуцкого

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сегодня выпал первый снег,
Ширь застелил полей.
Мир в первозданной белизне
Стал праздничней, светлей.

Я на крылечко вышел: ну?
Идти мне или нет?..
Нарушит эту белизну
Сапог тяжёлых след.

И тут помой кто-то вдруг
Плеснул из-за угла.
К ним вперевалочку, хрю, хрю,
Хавронья подошла.

Я зол, рассержен на весь свет,
Горю обидой я.
Где в спор вступают «да» и «нет»,
Там верх берёт свинья.

1963

Перевод Т. Спендиаровой

ПЁРЫШКО

Лес в багрянце. Улетели
Птицы друг за другом,
Только пёрышко порхает,
Мечется над лугом.

В небо облачком взлетает
Лёгким, снежно-белым
И опять припасть готово
К травам пожелтелым.

Ой ты, пёрышко-бродяжка,
Юность прожитая,
Ты по ком грустишь, тоскуешь,
Падая, взлетая?

Нет ответа. Как ни сетуй,
Рок не минет тяжкий,
Всё равно крыла родного
Не догнать бедняжке.

1963

Перевод Т. Спендиаровой

КРАСОТА

Из крепкого камня
Базальтовых скал
Ваятель
Саму
Красоту высекал.

Он ради неё
От всего отрешался
И в каждом её
Ноготке отражался.

И только под старость
Он бросил резец
И дошлифовал ей
Глаза наконец.

И вот красота,
Совершенное диво,
На старца уставилась,
Вздвогнув пугливо.

Ни слова не молвила
Старости юность
И в камень тяжёлый
Обратно вернулась.

1963

Перевод Р. Морана

НАТЮРМОРТ

На скатерти —
Узкий бокал.
Держась за соломинку,
Усталый художник
Дремал.
Всё распадалось
На круги,
На квадраты
И числа,
И во всём этом
Не было смысла.

И полночь
Пришла...
Официантка
Привычно сняла
Со стола
Узкий бокал
С тремя
Бордовыми вишенками
На дне —
Ненайденный
Натюрморт...

1964

Перевод Г. Сангира

ВТРОЁМ

Небо, море и я — трое буйных гуляк,
Мы горы сдвигали и чокались так,
Что гулом и грохотом наполнилась тьма.
Мы гуляли — просто сойти с ума!
Мы пили, мы пели всю ночь напролёт.
Но надо платить. И нам подали счёт.

Небеса заплатили монетой зари,
И вынесло море свои янтари.
И мне говорят: — Что же ты? Плати. —
Но чем заплатить за «с ума сойти»?
Но чем заплатить за немного «с ума сойти»?

1964

Перевод Г. Сангира

ВТРОЁМ

Небо, море и я — трое буйных гуляк,
Мы горы сдвигали и чокались так,
Что гулом и грохотом наполнилась тьма.
Мы гуляли — просто сойти с ума!
Мы пили, мы пели всю ночь напролёт.
Но надо платить. И нам подали счёт.

Небеса заплатили монетой зари,
И вынесло море свои янтари.
И мне говорят: — Что же ты? Плати. —
Но чем заплатить за «с ума сойти»?
Но чем заплатить за немного «с ума сойти»?

1964

Перевод Г. Сангира

ОДНО К ОДНОМУ

Цветок к цветку —
Цветной узор.
Сосна к сосне —
Сосновый бор.
Слились ручьи —
Бурлит река.
Десяток слов —
Уже строка.
Лады к ладам —
Поёт гармонь.
Плечо к плечу —
А ну-ка тронь!

1964

Перевод И. Прокофьева

МЫСЛИТЕЛЬ

В лесные города свои
Поклажу тащат муравьи.

Лишь на одном не вижу кладя —
Вот он с трудом плетётся сзади.

«Чем ты, скажи, обременён?»
«Несу я мысль», — ответил он.

1964

Перевод Т. Спендиаровой

ХУДОЖНИКИ

Рисует река
Берега;
Торопится, плещет
Река.
Леса за овинами
Встали,
Рисуют вершинами
Дали.
Я время не трачу
Впустую:
Художников этих
Рисую.

1964

Перевод Т. Спендиаровой

ВСТРЕЧА

Раз муха встретила слона:
«Как ты попал к нам, старина?»

Тот отвечает: «Ходят слухи,
Здесь делают слона из мухи».

Сказала муха: «Ну а я
Как раз лечу в твой край.

Там из слона, коль верить слуху,
Умеют ловко делать муху».

1964

Перевод Т. Спендиаровой

У МОРЯ

Когда манишку с галстуком я с гордостью надел,
Моя невеста — белое шёлковое платье,
Тогда в глазах у нас, рассказывают люди,
Светилось и сияло море счастья.

Когда литавры медные с серебряными флейтами
Ввели после венчания в наш дом,
Тогда в глазах у нас, рассказывают люди,
Плескалось море радости, вмещалось в них с трудом.

А много лет спустя, когда вдвоём с женой
Мы первенца в дорогу собирали,
Увидели в глазах у нас
Море печали.

Отец своих детей
И внуков своих дед,
Сижу у моря, жду письма
И в вёдро и в ненастье.
Ты, сердце, — море, в мире глубже нет!
Ты море горя,
Море радости
И море счастья.

1964

Перевод Б. Слуцкого

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

К. Э. Циолковскому

В том старом доме опустелом
От печи до порога он ходил
И на стекле заиндевелом, белом
Магические формулы чертил.

К иным мирам летел мечтой заветной.
Вселенная была не холодна...
Лес фантастический, инопланетный —
В узорах запылённого окна...

Да, старожилы помнят зиму ту.
В апреле снег ещё лежал в округе.
Ведь было жаль весне стирать мечту
На окнах дома старого в Калуге.

1964

Перевод Г. Сапгира

ДАЛЁКОЕ

*Поэту Моисею Гейфу
к его юбилею*

На деревья, на деревни — снег, снег, снег...
А поэт лежит на нарах — эх, эх, эх...

Строки путаются, сроки — ай-яй-яй!
А у проволоки — собачий лай, лай, лай.

Но к больному наклонилась, светится в тумане
Совесь русского народа — пушкинская няня.

На него, на иудея, крест кладёт душа простая,
Шепчет: «Спи, поэт, покуда твой бушлат я залатаю.

Скоро, скоро солнце встанет, запоёт петух,
Снежный веять перестанет пух, пух, пух...»

Что ты, Мойшеле, вздыхаешь, отчего молчишь ты?
Посмотри, бокал сверкает, весь кристально чистый.

Мне поднять его сегодня за столом позволь
За твою живую веру и святую боль.

1964

Перевод Г. Саггир

ДОРОЖЕ АЛМАЗА

Когда-то и где-то
Жил-был человек,
Который по свету
Скитался весь век.

Однажды, в свирепый
Тайфун угодив,
Корабль его в щепы
Разбился о риф.

На влажный песчаник
Заброшен волной,
Очнулся наш странник
В полуденный зной.

Измучен, изранен,
Он был недвижим,
И старый крестьянин
Склонился над ним:

— Откуда ты, кто ты,
Не ведаю я,
Но хлеб мой и соты,
Рубаха моя,

И брага в кувшине,
И соль, и жильё —
Всё это отныне,
О гость мой, своё!

...Ни мало ни много —
Недель через пять
Наш путник в дорогу
Собрался опять.

Свой перстень бесценный
Даёт он тому,
Кто так неизменно
Был добрым к нему.

Не смотрит крестьянин
На дивный алмаз,
Внезапен и странен
Был гордый отказ!

— Не надо обильных
И щедрых даров,
Хватило б мне пыльных
Твоих башмаков,

Чтоб на чужбину
Не увезли
И крошку единую
Милой земли...

1964

Перевод Р. Морана

МНЕ РАССКАЗАЛА БЕЛАЯ ЧАЙКА (Колыбельная)

Белая чайка
У Чёрного моря
Мне рассказала,
Что Чёрное море
Знает тебя
И завидует втайне.
Спи, моя рыбка,
Спи, золотая!

К Чёрному морю
Сады подступают.
Чудо-цветы
В тех садах
Расцветают.
Но мне завидует
Каждый цветок.
Спи, мой листочек!
Засни, мой росток.

Бьют родники
В черноморской сторонке,
Но ветерки
Мне шепнули тихонько:
Нет родника,
Чтоб тебя был светлее.
Спи, родничок мой!
Засни
Поскорее!

1964

Перевод Б. Слуцкого

ТИШЬ-ТИШИНА

В гулянках и пьянстве
Отбился от рук.
На киевский поезд
Свези меня, друг.
У мамы мне песенка
Припасена
С названием детским:
«Тишь-
Тишина».

Оставляю у двери
Свой узел с грехами.
«Спой песенку сыну! —
Скажу моей маме. —
Ту самую песню —
Ты помнить должна —
С названием детским
«Тишь-
Тишина».

Мой сон на рассвете
Туманом растает,
Но яблочко мне
Под подушкой оставит
И пожелает удачи
Одна
Детская песенка
«Тишь-
Тишина».

1964

Перевод Б. Слуцкого

В НАРОДЕ ГОВОРЯТ

Народ недаром
Создал пословицу,
Что старый
Снова ребёнком становится.

Народ говорит,
Значит, так и случится.
Мне в этом сегодня
Пришлось убедиться.

Скажу по секрету вам,
Честное слово,
Сегодня меня
Восхитила корова,

Глаза её — сливы,
Что кротко моргали,
И пятнышко белое
Между рогами,

А сами рога её —
Вилы кривые,
Как будто корову
Я вижу впервые.

Жил-поживал,
Поседел постепенно.
И вдруг я увидел,
Что лошадь ест сено,

Что птица поёт
И что лает собака.
Как это странно
Бывает, однако.

1964

Перевод Г. Сабгира

СЛАВА ТЕБЕ, ЖИЗНЬ

За это за одно я
ПрославлЮ жизни милость
Что выдать мне рубашку
Она не поскупилась.

Хотел чужие раны
Перевязать помочь я,
Поэтому рубашку
Всю изорвал я в клочья.

1965

Перевод Б. Слуцкого

ПРИ СЛУЧАЕ

Отошлю тебе я,
Если будет случай,
Дорогой подарок —
Дождь грибной, летучий

И ещё в придачу
Отошлю с друзьями
Я бочонок с Волгой,
Узел с берегами,

И ещё подарок
Дорогой, неожиданный —
Ёлочек иголки,
Запах рощ туманный,

Для того иголки
Тонкие, колючие,
Чтобы ты пальтишко
Сшил себе при случае.

1965

Перевод В. Цыбина

ПТИЧКИ И МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

(Прошенье, найденное в сундуке моего деда)

Милостивый государь,
Обратите ваше высокое внимание
На слёзное прошение
По поводу нижеуказанных птичек.

Милостивый государь,
Птички в клювиках глину носили,
Чтобы гнёзда слепить.
А теперь за эти комочки несчастной глины,
Из которых бездомные птички
Слепили себе жилища,
Их хотят заковать в кандалы
И сослать в ледяную Сибирь.

Милостивый наш государь,
Просим вас соизволить
Высочайше представить,
Как вороны и вóроны с саблями наготове
Гонят птичек, закованных в цепи,
По этапу в Сибирь!
И только за то, что бездомные птички
Брали глину из ямы
Его сиятельства графа Потоцкого.

Милостивый государь,
А теперь соизвольте представить,
Что все эти птички — евреи.
В чём же мы, птички-евреи,
Провинились перед его высокоблагородием
Господином околоточным надзирателем?
Мы же не знали,
Что эта злосчастная яма
(Чтоб её разразило громом!) —
Яма графа Потоцкого.

Государь наш милостивейший!
Мы будем рыть ночью и днём.
Мы выроем всем местечком
Другую глубокую яму
Графу Потоцкому,
Его сиятельству.

Нас же, бедных евреев-птичек,
Помилуйте, бога ради,
Всемилоостивейший государь!

1965

Перевод Г. Сапгира

МОЛОДОСТЬ

Видишь, молодость смеётся.
В жизни раз она даётся
С её смехом и слезами
И с открытыми глазами,
С этим взлётом неустанным,
С этим тмином и шафраном,
С этим бредом и броженьем,
С этим радостным уменьем
Бросить всё и потерять,
Чтобы вновь — найти опять!

1965

Перевод В. Цыбина

ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ КИТОВ

Как ни странно, но сегодня утром,
Когда я ещё лежал в постели,
Ко мне постучали.
Я открыл дверь —
Вошёл Земной шар.
— Доброе утро! —
Сказал он. —
Простите за беспокойство,
Но я вынужден вам заявить,
Что вы мой большой должник
И злостный неплательщик.
Вы до сих пор не внесли
Квартирную плату
За шестьдесят осеней,
За шестьдесят зим,
За шестьдесят вёсен,
За шестьдесят прожитых лет.
Даже Океан,
Всем известный
Неуравновешенный Океан,
Давным-давно внёс
Квартирную плату —
Девяносто девять с половиной китов,
Копейка в копейку.
А ты,
Человек,
Моё лучшее творение,
Ломаного гроша до сих пор не заплатил!

Я пожал плечами
И сказал:
— Ради бога,
Подождите немного.

Я заплачу вам
За всё сразу:
За все сто двадцать осеней,
За все сто двадцать зим,
За все сто двадцать вёсен
И за столько же лет.
Пожалуйста, подождите немного.
Тем более что ремонт мира
Я беру на себя.

1965
Перевод Г. Сангира

ГОРЕЛА СВЕЧА

Горела свеча,
Плакала свеча.
От радости,
Что она горит,
Плакала свеча.
И натекали
На подсвечник
Розовые леса,
Дворцы,
Пещеры.

А наутро невеста
Из того, что осталось
От растаявших замков,
Пещер и лесов,
Тёплыми пальцами
Вылепила веточку
И пришила к фате.

И светилась невеста
И плакала,
Как свеча.

1965

Перевод Г. Сангира

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

Дремлет старая лошадь,
Пригретая мартовским солнцем,
Забыв обо всём.
Только дрожь,
Словно лёгкая рябь по реке,
Пробегаёт по коже
С синими проплешинами,
Будто кто-то старался стереть
То, что написано было
Кнутом,
Но не смог.

1965

Перевод Г. Сангира

ДЕРЕВЬЯ В СЕРЕБРЯНЫХ БАШМАКАХ

Лес усеян густо
Белым лунным светом.
В башмаках серебряных
Этим тихим летом

Все пошли деревья
К мелководью, к броду
Посмотреть, как глупый
Пьет телёнок воду.

Я на этом самом
Мелководном месте,
Наклоняясь низко,
Пью с телянком вместе.

Вот сошлись деревья
Все на месте этом,
В башмаках серебряных,
Крытых лунным светом.

Здесь течет речушка,
Старый мост шатает.
До колен телёнок
В воду забредает.

Чудится — столетья
Я брожу по лесу —
Прихожу обратно
Всё к тому же месту.

Вот звезда упала,
Мост залила светом,
Видит, как привязан
Я к деревьям этим,

В башмаках серебряных,
К этому вот броду,
К глупому телянку,
Пьющему здесь воду...

1965

Перевод В. Цыбина

ГОСТИ

Однажды серый Заяц
Себе построил дом
С гостиной,
Спальней,
Ванной,
Террасою стеклянной
И тёмным чердаком.

К нему на новоселье
Приехали друзья.
Позвал он всех соседей:
Козла,
Осла,
Медведя.
Пришёл туда и я.

Гостей встречает Заяц
И всех за стол зовёт.
А на столе не пусто:
Блины,
Пирог с капустой
И сладкий пьяный мёд.

Шумят и шутят гости.
Взял скрипочку Козёл
И заиграл такую
Живую,
Плясовую,
Что в пляс Медведь пошёл.

Как топнул он!
Как ухнул!
Дом задрожал
И рухнул.

Бегом из дома
Гости!
Торчат из досок
Гвозди.

Горюет, плачет Заяц:
— Где мой красивый дом
С гостиной,
Спальней,
Ванной,
Террасою стеклянной
И тёмным чердаком?

Тут обнял я косого
И начал утешать:
— Всё будет,
Дом и крыша.
Не надо только, слышишь,
Не надо в гости снова
Медведя приглашать.

1965

Перевод Г. Сагвиря

ПЕСЕНКА

Налей мне, дорогая,
Хоть стопочку вина,
Что за твоё здоровье
Распита быть должна.
Упрятал дед мой песенку
В холодном том вине.
Дошли до меня слухи:
Она на самом дне.

Налей мне, дорогая,
Теперь ещё одну.
За всех моих любимых
Её я подниму.
Дошли до меня слухи,
Я доверяю им,
Что также в этой стопочке
Мы песенку таим.

Налей мне, дорогая,
Вина таких сортов,
Чтоб стопочку за песенку
Я выпить был готов.
Сказал знаток, которому
Всем верить надлежит:
На дне той третьей стопочки
Песенка лежит.

1965

Перевод Б. Слуцкого

СОБАКА

Два спелых каштана
Упали к моим ногам...
Нежданно —
Негаданно.
Глядят на меня доверчиво
Коричневые глаза.
— Кто ты? —
Спросил я, оторопев.
— Любовь. —
Я отвернулся
И ушёл в свой промокший плащ,
Словно улитка в раковину.
Иду, ускоряя шаги,
Под осенним дождём.
Боюсь оглянуться.
Но краешком глаза
Вижу:
Плетётся.
Оборотясь, я спросил:
— Ты что увязалась за мной?
Ни крошки,
Ни куска, ни крупинки сахара
Нет у меня для тебя!
Я пуст!
Понимаешь, я пуст! —
И поспешил прочь.
На углу оглянулся —
Поднял подвернувшийся камень
И бросил в неё.

Отпрянула,
Постояла недоуменно
И вновь затрусила
За мной.

Я — в калитку,
И она,
Чуть помедлив,
Проскользнула
В мой ветрамн обглоданный сад.
Ждет у крыльца под дождём
Любовь моя,
Друг мой —
Собака.

1965

Перевод Г. Сангира

ПРЯТКИ

Мы играли в прятки:
Я,
Анька голубоглазая,
Рива,
Ёся,
Зося
И Петя курносый.
Я спрятался за деревом.
А они должны были меня искать
Они должны были меня найти.
Я слышал их голоса.

Они были рядом,
Близко-близко.
Казалось, вот-вот
Меня найдут.
Но они пробежали мимо.
Они забыли про меня.
Они забыли меня найти.

Так я простоял всю весну,
Всё лето.
Осень роняла листья
К моим ногам.
Зима нахлобучила на меня
Белоснежную шапку.
А я всё стоял, ждал.
Я слышал их голоса:
Голос Аньки голубоглазой,
Голос Ривы, Ёси и Зоси,
Голос Пети курносого,
Но они пробежали мимо.
Они забыли меня найти.

Я устал стоять. Прилёт,
Укрылся тёплой землёй
И уснул.
Но однажды сквозь дрему
Я услышал звонкую капель,
Птичий гомон и детские голоса.
Я слышал их всё ясней и ясней.
Вот голос Аньки голубоглазой,
Вот голос Пети курносого,
Ривы, Ёси, Зоси.
Они уже рядом.
Они положили цветы к моим ногам.
Всё же меня нашли.

1965

Перевод Г. Сангира

СЛЁЗЫ

— Аве Мария! —
Своды крутые.
Голос высокий:
— Аве Мария! —
И прихожане,
Внимая ему,
Слёзы, как в бархат,
Роняют во тьму.
— Аве Мария!.. —
На улице сыро.
Я наклонился
К окну ювелира,
Будто бы кто-то шепнул мне:
— Взгляни! —
В бархате чёрном
Сверкали они...

1965

Перевод Г. Сангира

МОЙ ДЯДЮШКА ГОВАРИВАЛ

Мой дядюшка говаривал, бывало,
На памяти моей:
— Ну разве можно, например,
Сердиться
На горечь лука,
Хрена и горчицы?
А фаршированная щука?
Её без хрена ели вы?
Сплошное недоразумение,
Тарелка, полная травы!.. —
И не забыть мне тётушкиных слов:
— Без жареного лука соус
Похож на жениха без собственных часов... —
Да, тётушка готовила на совесть.
А жарить лук — великое искусство.
Ведь лук,
Поджаренный до хруста,
Не хуже миндаля.
Присел — на тарелке пусто,
Хоть поцелуй её края.

— — — — —
— — — — —

Но собственной обиды горечь
Испить
Из чаши, полной горя,
Когда плюют в лицо,
За что, не знаешь сам,
Я пожелаю лишь моим врагам.

1965

Перевод Г. Сапгира

МАМАЛЫГА

Мамалыга, мамалыга
Горяча, свежа.
Мамалыгу, мамалыгу
Режут без ножа.

Эх, невежда, мамалыгу
Режут ниткой тонкой,
Запивают каберне
Прямо из бочонка.

Мамалыга жарче солнца,
Лучшей не едал.
Ох, пустите, отпустите
Поостыть в подвал!

Да подайте дудочку.
В погребе старинном
На мотив молдавский
Я сыграю винам,

Ой-ей-ей, песенку
«Всем желаю здравия!».
А если только пикнете,
Совсем сбегу в Молдавию.

1965

Перевод Г. Саггир

ЧЕТЫРЕ ВЕСНУШКИ

Мы играли вдвоём,
Как всегда,
Девочка с лукавыми косичками
И я.
Вдруг она сказала:
— На тебе четыре веснушки,
Понарошку, конечно,
Иди и купи мне солнце,
Понарошку, конечно. —
Я ушёл, ушёл...
Понарошку, конечно.
А когда я вернулся
Шестьдесят лет спустя,
Понарошку, конечно,
Я увидел:
Мы играем во дворе,
Как всегда,
Девочка с лукавыми
Косичками
И я,
Понарошку, конечно.

1965

Перевод Г. Сангира

ПОСЛЕДНЯЯ СВЕЧА

В сумерках я узнал новость:
Так, мол, и так,
Подробности неизвестны...
Но я уже не мог уснуть.
В полночь я поднялся
И постучал в ставни
Моего сердца:
— Скажи, правда ли то,
О чём судачат на каждом переулке?
Будто к тебе пришёл друг
И обокрал тебя —
Унёс твою последнюю свечу
И последний подсвечник?
— Правда, — ответило сердце. —
Они ему нужнее —
У него умерла
Последняя надежда.

1965

Перевод Г. Сатгира

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Осенний ветер
За море собрался.
Осталось
Только кое-что доделать.
Ещё не отутюжена
Река,
Не проветрены
Опустевшие гнёзда,
Не сыграна до конца
Осенняя песня
На проводах.

И вот,
Искупавшись в хвое
И хлопнув мокрой калиткой,
Ветер улетел...
Но вдруг
Вернулся,
Пригнул
Стройную берёзку
Словно свечу —
И задул
Последний
Осенний
Лист.

1965

Перевод Г. Сангира

РАЗВЕ Я МНОГОГО ХОЧУ?

Я хочу говорить
На простом языке ромашек,
Незабудок,
Лесных колокольчиков наших
И тюльпанов,
Что в дальнем краю расцвели,
Чтоб меня понимали
Все люди Земли.

Разве я многого хочу?

Звёздный сад
Я мечтаю раскинуть
На нашей планете,
Чтоб его рисовали
Все дети
На свете.

Разве я многого хочу?

Я хотел бы все танки
Превратить
В самокаты и санки,
А все грозные пушки —
В цветные хлопушки,
Чтоб дети Земли
Хороводы водили.

Разве я многого хочу?

1966

Перевод Г. Сангира

ПОМНЮ

Дорогой скрипит телега.
И радуга — выше неба.
Плетни... И пение птиц...
И хатки в зелёной долине —
Словно в плетеной корзине
Полсотни куриных яиц.
Журавль на соломенной крыше
Упрятал клюв под крыло...
Я снова вижу и слышу
Моё родное село.

1966

Перевод Г. Сангира

ХОЧЕШЬ – ПЛАЧЬ, ХОЧЕШЬ – СМЕЙСЯ

С незапамятных времен
Был у деда
Патефон.
Рукояткою блестящей
Заводился
Старый ящик.

Вот заводит дед
Машинку
И кладёт на круг
Пластинку:
— Сядьте, слушайте,
Сейчас
Будет петь
Известный бас.

Но внутри у патефона
Будто каркнула
Ворона
И посыпался
Горох.
А потом раздался
Вздых:
— Ох!

Дед заметно был смущён.
Вновь завёл он
Патефон.

Раздалось
Мычание.
И опять —
Молчание.
Дед был страшно возмущен.

Вновь завёл он
Патефон.
Только вместо пения
Раздалось
Шипение,
Хрипение,
Иканье
И даже заикание!

Ящик буйствовал,
Пока
Дед не дал ему
Щелчка.
Наконец-то
Грянул бас...
Так бывало
Каждый раз.

1966
Перевод Г. Сангира

ТЕННИС

Ты —
Ловкая —
Играла в теннис,
Ракеткой отбивала,
Целясь,
И снова принимала
Мяч —
И я летел,
Пускался вскачь.
Мне это дело
Надоело!
Я выкатился за пределы
Площадки,
Гладкой и пустой.
Я думал,
Закричишь:
Постой!
Затем пойдут
Упреки, просьбы, плач...
Но ты
Уже держала
Новый мяч.

1966

Перевод Г. Сангира

МЕЧТА СКРИПИЧНОГО МАСТЕРА

Жил мастер скрипичный
У нас за углом,
Бобыль, одержимый
Своим ремеслом.

Он грифы и деки
Весь день вырезал,
Но сам почему-то
Частенько вздыхал.

Ему не терпелось
Узнать — хоть умри, —
Какая же тайна
У скрипки внутри.

Пусть скрипка смеётся,
Пусть плачет навзрыд,
Пусть сердце живое
Под крышкой стучит.

Пусть слышится гомон
Прибрежных валов,
Звучание ветра
И колоколов.

Но лишь на мгновенье
Умолкнут лады,
И ухо уловит
Паденье звезды.

Зажмурься, по струнам
Смычком проведи —
Немедля веселье
Родится в груди.

Он из сердцевины
Древесных колец
Мечтал эту скрипку
Создать наконец.

1966

Перевод С. Годлевского

ИТОГОВАЯ СТРОКА

Я в чём-то ошибся,
Чего-то не смог.
Строкой неудавшейся
Виснет итог.

Делю я и множу,
Браню себя вслух,
Но прячет ошибку
Толстенный гроссбух.

Что правда — то правда:
Я чарку любил,
Но даже спьяна
Аккуратен с ней был.

Постигнув легко,
Что бесстыдство — беда,
По уши частенько
Краснел от стыда

Пред мамой, папой,
Женой и сынком
И даже пред старым
Своим пиджаком.

Мой верный гроссбух,
Без утаек и лжи
О худших ошибках
Души доложу.

Быть может, спеша
По делам и без дел,
Я горе земли
Невзначай проглядел.

Страдания брата,
И гибель сестры,
И дым Хиросим,
И Греблинок костры.

Быть может, зазря
Выбиваясь из сил,
Песнь песней —
Песнь матери я позабыл.

Стал хитрым и лживым,
Удачу любя,
И ловко, без шума
Ограбил себя.

Делю я и множу,
Забыв про покой,
Не хочется верить
Ошибке такой.

1966
Перевод А. Сендыка

ВИНО

* * *

Красное вино! Сладкое вино!
Всем винам его предпочту!
Но почему-то, смотри, оно
Кровью сквозит на свету.

Убери, убери его со стола!
Я глядеть на него не могу.
Извини, я хочу, чтобы ты подала
Тот графинчик, что я берегу.

Белое вино! Крепкое вино!
Чистое как слеза!
Родная, поэтому, видно, оно
Слезой мне туманит глаза.

Убери, убери его со стола!
Веселиться хочу от души!
Родная, хочу, чтобы ты подала
Холодного пива кувшин.

Выпил бы пива (горчит чуть-чуть)
Кружку, и не одну,
Если б мог, словно пену, сдуть
Печальную седину.

1966

Перевод Г. Сангира

Красным сладким вином
Я наполнил стакан...
Вроде, всё хорошо,
Да на сердце тоска.

Убери вино прочь
И не трать лишних слов —
Слишком жидкость в стакане
Похожа на кровь.

Водки несколько капель
На стол пролилось,
На клеёнке — как пятна
Непролитых слёз.

Ни о чём тебя больше
Не буду просить —
Кружку пива холодного
Мне принеси.

Вроде, всё хорошо,
Да помеха одна —
Шапка пены на ней,
Как моя седина...

1966

Перевод А. Лейзеровича

ЭТЭЛЕ

Я всегда придумаю
Ночью то ли, это ли.
Вымечтаю городок,
Поселю там Этэле.

Пусть она играет в мяч,
Там, на белой площади,
Косы её чёрные
На ветру полощутся.

Я приду и у ворот
Постучусь тихонечко,
Принесу я в ягдташе
Солнечную родинку,

Просто королевскую
Родинку красивую,
Небо Бессарабии,
Буковину синюю,

И тепло вечерних гнёзд,
И мечту заветную...
Посмотри, что я принёс,
Улыбнись мне, Этэле.

1966

Перевод Г. Сапгира

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Море.
Вдоль берега девушка шла.

Я глядел ей вслед,
Взглядом
Следовал по пятам.

Вдруг
Девушка остановилась,
Сняла свою туфельку
И вытряхнула мой взгляд,
Словно песок.

1966
Перевод Г. Саггир

Хотя глаза уже полны тумана
И трудно различают близь и даль,
Не перестану я искать упрямо
Иголку в стоге сена, как и встарь.

1966
Перевод В. Цыбина

КРАСАВИЦА

О красавица
Палка,
Не плачь,
Не плачь!..
Я знаю, ты славная ветвь
Благородного дерева.
Ты мечтала стать
Скрипкой,
Флейтой,
Арфой...
Или, на худой конец,
Дверью для дома,
Рамой для окна,
Калиткой для сада...
О красавица
Палка,
Не плачь,
Не плачь!..
Я предлагаю тебе
Руку и сердце, —
Будь мне опорой
На склоне моих лет,
О красавица палка, не плачь!

1967

Перевод Г. Сангира

ДОЛЖНИК

Я — должник.
Неисправимый должник.
Я старой матери должен
Сундук ненаписанных писем,
Ласковых слов подушку —
Милой моей жене,
А сыну —
Вагон мороженого
И ещё
Ложку.
Я должен хлебозаводу
За свежий душистый хлеб.
Сапожникам задолжал
За новые башмаки.
Говорят, я в них проскриплю
Ещё сто двадцать лет.
И сами сто двадцать лет
Потом они будут скрипеть.
Кому я только не должен!
Чего только сделать не должен!
Репейник
Я должен ослу —
Научил меня хлопать ушами.
И звонкую оплеуху —
Прителю одному.

1967

Перевод Г. Саггир

ДОРОГА

Уходят дороги длинные,
Дороги длинные-длинные,
Уводят в страны гусиные,
Орлиные и журавлиные.

Ты только от стула
Дошёл до стола —
Уже пред тобою
Дорога легла.

Пойдёшь ты дорогой длинною,
Дорогой длинною-длинною,
Миную страну журавлинную,
Миную страну лебединую.

Зимою и летом
Ты будешь в пути,
Пока не найдёшь
То, что надо найти.

Запомни, что в страны гусиные,
Орлиные и журавлиные
Уводят дороги длинные,
Дороги длинные-длинные.

1967

Перевод Г. Сагвир

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Нежился пруд
На зелёной постели.
— Доброе утро! —
Птицы свистели.
И я увидал
На дорожке своей,
Как поклонился
Цветку муравей.
Семейка опят,
Приподняв свои шляпки,
Доброго утра
Желала козявке.
А на жуке разъезжали
Росинки,
Так и блестели
На бронзовой спинке.
Светло отражались
В пруду облака.
И вдруг я увидел
В воде чудака,
Который стоял предо мной
Вверх ногами.
Мы улыбнулись
И стали друзьями.
Видно, и вниз головою
Нетрудно
Кому-то гулять
В это доброе утро.

1967

Перевод Г. Сангира

ТЕРЕМОК

Руки матери —
Воздеты к небу,
Как подсвечники
С восковыми свечами.

Руки матери —
Сложены,
Как деки
Старой скрипки.

Руки матери —
Морская раковина:
Там терем-теремок.
Там баю-бай.

1967

Перевод Г. Сагвир

ВЕТЕР В ДОРОГЕ

Ветер подкрался —
В спину валил ослабевшего.
Но я перехитрил тебя, ветер.
Смотри, как славно
Трещит мой костёр,
Который ты помог
Мне раздуть, —
И я опять обрёл силу.

1967

Перевод автора

СНОВА ВЛЮБЛЕН

Я снова влюбился на склоне лет.
С ума сойти, как мне нравится этот свет!

Закажу у портного жилет голубой,
А у шляпника — шляпу с печной трубой.

Если любовь, разгораясь, жжёт мою грудь,
Надо же дыму деться куда-нибудь!

Сумасшедший по улицам бегаёт, говорят,
А подо мною, смотрите, подмётки горят!

Не смейтесь, не смейте безумье моё осуждать!
Я счастлив, как будто родился опять.

1967

Перевод Г. Сапгира

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА

У сказки начало:
Петух и Скворец
Поспорили:
Кто из них лучший певец?
Мы слушать не будем
Их длинные песни.
У сказки конец.
Он куда интересней!
Тянуть «ку-ка-ре-ку»
Закончил Петух,
Но пыл боевой
В нём совсем не потух.
Захлопал он крыльями,
Словно в ладоши:
— Мне хлопает, слышишь,
Галёрка и ложи!
Мне все аплодируют,
Слышишь, Скворец!
Тебя победил я,
И сказке конец.

1967

Перевод Г. Сангира

БЕС В РЕБРЕ

Уже в волосах моих — сереи
Но бес забрался в моё ребро
С тех пор я не знаю покоя.
Со мною творится такое...
Клокочет во мне кипятик.
Да что говорить,
Цейлонский чай
Можно мной заварить!
У всех участковых
Мои объяснения,
У всех прокуроров
Мои заявления,
У всех почтальонов
Мои телеграммы,
На всех вокзалах
Мои чемоданы.
Во всех приёмных
Торчу я с утра.
Но беса не выселить
Из ребра.

1967

Перевод Г. Сангира

В ДОРОГЕ

Промелькнула река.
Я спешу зачерпнуть
Горсть холодной воды
Из реки,
Которой уже нет.

Промелькнули тропа, изба.
Задыхаясь, бегу по тропе,
Которой уже нет,
К избе,
Которой уже нет.

Промелькнула сирень.
Промелькнула девушка.

Я ломаю липовую кисть,
Которой уже нет,
И бросаю девушке,
Которой уже нет.

А поезд всё мчится, мчится.
И... в тоннель.
И меня уже нет.

1967

Перевод Г. Сангира

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Осенней ночью
Мерцаньем далёкой реки
Загорается Млечный Путь.
А старики
Всё не могут уснуть,
Ворочаются старики...
И не знают,
Что их табакерки
Из кости резной
Собираются все
На поляне лесной,
Где орешник в росе...
А потом, а потом по траве
Неслышно
Ступает олень.
Табакерки, как башня,
На его голове —
И причудлива тень...
Протрубил и затих.
И опять затрубил над водою.
Он зовет оленят,
Олених
К водопою!
Он касается звезд зелёных.
И звёзды звенят, легки.
И тогда колыбельную слышат спросонок
Засыпающие старики.

1967

Перевод Г. Сабгира

МОЁ ЛУЧШЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

У меня одно желанье.
И поверить я готов,
Что зеркальные озёра —
Стеклышки моих очков,

Что спустило облако,
По небу проходя,
Мне рубашку, тканную
Из солнца и дождя,

Что лесок подал дубок
Молодой для посоха,
С ним весь мир я обхожу
По воде и посуху.

Вот иду и вижу я:
В голом поле — хижина.
В ней я вижу голубя,
Он дрожит от холода.

Мне опора — посох крепкий,
Но ломаю палку в щепки.
Вейся, пламя, вейся!
Грейся, голубь, грейся!

Дальше, дальше я иду,
Вижу серую беду:
Нива пересохшая,
Рожь, к земле прилѣгшая.

Тут последнюю рубашку
Я снимаю с зябких плеч,
Чтоб пустующее небо
В дождь и радугу облечь.

Вот два озера вдали,
На озёрах корабли
Из картона, из бумаги,
А на мачтах вьются флаги.

Вижу светлые озёра —
Стеклышки моих очков, —
И кораблики пускают
В них мальчишки с берегов.

Если б это стало явью,
Хотя бы на мгновенье,
Это было б лучшее
Моё стихотворенье.

1967

Перевод Г. Сангира

ЖАРКОЕ

Я думал,
Какое такое
Гостям
Приготовить
Жаркое?

Один обожает
Кусок пожирней.
Другой выбирает
Кусок понежней.
Третий
Перца огонь
Заливает вином.
Он, как известно,
Большой гастроном.
А четвёртый —
Сверхпривередливый гость!
Ему подавай
Обязательно
Кость.
«Косточку, — говорит, —
Мозговую,
Как девушку,
Я поцелую».
А пятый
Приходит в восторг,
Заметив
Лавровый листок.

Я убавлял,
Прибавлял огня...
Сложное блюдо —
Жаркое!
И наконец у меня

Оно получилось
Такое!
Ножик и вилка,
Блестит черенок.
Несу на тарелке
Лавровый венок.
Я видел,
Других разбирала злость.
Но как блаженствовал
Пятый мой гость
Из племени динозавров —
Любитель
Жаркого из лавров!

1968

Перевод Г. Сангира

СОСНОВЫЕ ЦЫПЛЯТА

Все спят ещё.
А сказочник встаёт.
Коня седлает:
Он выезжает,
Чтоб собрать в лукошко
Огарки звёзд,
Погасших на рассвете.
Он вылепит из них
Живые сказки.
Ну и хитрец же
Сказочник лукавый!
И не такие знает он секреты!
Да только открывать их
Не спешит.
Но я упрям.
К нему я забегаю
За тем, за этим,
Словно бы за делом.
А сам смотрю,
Как будто невзначай,
На палку суковатую его:
Не вылупились ли из этих тёплых
Крутых сучков
Сосновые цыплята?

1968

Перевод Ю. Вронского

МОЁ НАСЛЕДСТВО

Мой дедушка Нухем, земля ему пухом,
Чтоб я не досадовал, господь упаси,
Завещал мне в наследство знакомые с детства
Серебряной луковницей часы.

И надо же, в среду — время к обеду —
У жены моей разболелся зуб.
Она вместо луковницы и морковки
Часы опустила рассеянно в суп.

Случилось несчастье. Как нужен мне мастер,
Чтоб жизнь разобрать и наладить мою!
Теперь я страдаю, но чем — сам не знаю:
Я вечно спешу и всегда отстаю.

1968

Перевод Г. Саггир

ЛЁГКАЯ РУКА

Ещё в окне парикмахерской
Свет.
Убраны бритвы.
Сомкнуты ножницы.
Заперт запах одеколона.
Тишина.
Лишь рука
Одна
Скользит
По зеркалам овальным —
Стирает
Белесый взгляд глупца,
Ухмылку наглеца
И просто
Нечто серое...

О, как нужна мне
Эта лёгкая рука!

1968

Перевод Г. Сабгиря

НА БЕРЕГУ

На берегу реки сижу и вижу,
Как сумерки сгущаются во тьму —
И все покидают меня.
Солнце ушло.
За солнцем утята ушли.
За ними и лес ушёл в темноту.
За лесом ушли в черноту берега.
За берегами река.
Пожалуй, и мне пора.
Но
Куда?

1968

Перевод Г. Сабгиря

РОЗОВЫЙ МИР

На Арбате, через площадь
Вёл на ниточке послушной
Ярко-красный шар мальчонка —
Мир свой розовый, послушный.
Отражаясь и качаясь,
Заикаясь и волнуясь,
Сквозь него и мы проходим,
Мы все — розово целуясь,
Забывая грусть и зависть,
Заикаясь и ругаясь,
В розах розово встречаясь
Возле розовых киосков.
Только вдруг — хлоп! — лопнул шарик.
И не розово проходим,
И не розово целуем,
И не розово бранимся,
И не розово встречаем
У нерозовых киосков.
Только жаль того мальчонку —
На душе темно и сиротливо:
Нет на ниточке послушной
Больше розового мира.

1968

Перевод В. Цыбина

БУДЬ Я САМЫМ ГЛАВНЫМ

Мне
Назначила свиданье заря.
Она будет меня ждать
У края земли.
Мы объяснимся без слов.
Она положит
Крохотный ключик
На мою ладонь.
И я заведу
Мою серебряную луковицу.
И тотчас —
Шорохи — шёпоты,
Шёпоты — шорохи
Выглянут из норок.
Посвисты, щебеты,
Щебеты, посвисты
Отряхнутся от сна.
И пойдут перезвоны
Над проснувшейся землей...
Меня окружают
Тысячи удивленных глаз,
Тысячи настороженных ушей.
И отовсюду
Тёплые ладошки
Протянутся ко мне:
— Дайте послушать, дедушка,
Как тикают ваши часы —
День-день,
День-день.

1968

Перевод Г. Сагвир

СТАРИКИ

— Что ты часами сидишь у окна? —
Спросил старуху старик. —
Что ты там видишь,
На нашем глухом пустыре?
— Взгляни-ка, мой друг,
Там жених молодой,
Словно тополь, стоит.

Старик поглядел
На голый пустырь
И старухе сказал:
— Нет, мой друг,
Там невеста стоит,
Словно яблоня
В белом цвету.

1968

Перевод Г. Саггир

Я ЛЮБЛЮ МИРИТЬСЯ

Давай помиримся с тобой,
Мой добрый день.
Я люблю мириться!
Право же, я только подшучивал
Над твоим «вчера»
И «позавчера».
Но я готов извиниться.
Давай помиримся.
Я взойду на высокую гору
И скажу восходящему солнцу:
Мы помирились, слышишь!
Моё доброе утро,
Мой добрый день,
Мой добрый вечер.

1968

Перевод Г. Саггир

ЗЕРНО ДОБРОТЫ

Жили-были
Старик и старуха...
Любишь ты сказки?
Так слушай, молчи.
Добрая сказка
Как хлеба краюха,
Тёплая,
Только что из печи.

А что может быть
Правдивее хлеба?
Отрежешь ломоть —
И сразу тепло.
В сказках, как в жизни,
Земля и небо,
Солнце и тучи,
Добро и зло.

Добрую сказку
Помню я с детства.
Хочу, чтобы сказку
Послушал и ты,
Чтобы подкралась
К самому сердцу
И заронила
Зерно доброты.

1968

Перевод Г. Сангира

ДОБРЫЙ ПУТЬ

У рябин
Краснеют гроздья,
Травы меркнут
По утрам,
Опустели
Птичьи гнёзда
По седеющим
Лесам.
Выйду в рощу
Утром ранним
На друзей
Моих взглянуть:
Свист услышу,
Щебетанье,
В скорбном
Постою молчанье
И скажу им
На прощанье:
— До свиданья!
Добрый путь!

1968

Перевод В. Донниковой

СОЛНЦЕ С ДОЖДЁМ

Только что плакал —
Сквозь слёзы смеётся.
И на дворе у нас —
Дождик и солнце.

Если бы знал ты,
Малыш озорной,
Как ты похож
На дождик грибной!

1968

Перевод Г. Сагива

МОЯ БУМАЖНАЯ КОРОНА

Придели бессонные ночи меня.
Прическу сделали мне.
Кубок звёзд, блюдо луны
Поставили на столе.

Шестидесятилетнему старику
Дали немалую роль.
И вот я в бумажной короне сижу,
Словно трефовый король.

И я, как настоящий король,
Хочу звезду, тянусь к луне,
Но бумажная корона моя
«Чудак!» тихо шепчет мне.

1969

Перевод Б. Слуцкого

МЯТНЫЕ ТАБЛЕТКИ

Наконец-то мне открылось сегодня:
То, над чем я бился и мучился
Столько лет!
Добавлял, убавлял,
Взвешивал на лирических весах,
Растирал в бессонной ступке,
Составлял по рецептам, —
Просто
Мятные таблетки.
Не проще ли захлопнуть все двери
И стать королём заборов,
Генералом репейников,
Повелителем жёлтых акаций.
Ночь придёт — запереть королевство,
Поднять все мосты
К моим муравьям и стрекозам,
К синим-синим жукам-рогачам.
А потом
Положить королевство
Под подушку —
И крепко уснуть.

1968

Перевод Г. Сабгира

КОЛЫБЕЛЬНАЯ САМОМУ СЕБЕ

Баю-бай, седой и глупый,
Дети даже в праздник спят.
Спи-усни.
Часы пробили —
Шестьдесят.
Трубачи фарфоровые
Звонкими фанфарами
Извещают —
Слышишь ты! —
Старого и малого:
Едут пёстрые шуты
К нам из небывалого!
Клоун жёлтый, клоун алый
Будут прыгать и ломаться.
Будут полные бокалы
С тихим звоном целоваться.
Чок да чок,
Дурачок.
Что вздыхаешь, старый,
Ведь в твоём бокале —
И слеза веселья,
И слеза печали...
Злые думы прочь!
И, назло нечистой силе,
Петухи заголосили
В ночь-полночь.

1968

Перевод Г. Сангира

КОГДА МАМА УЛЫБАЕТСЯ

Улыбнется мама —
Звёзды засияют,
А мёртвые камни
Будто воскресают.

Когда мама улыбается...

Рассмеётся мама —
Седой молодеет,
А мешок с заботами
Заметно худеет.

Когда мама улыбается...

А заплачет мама —
Лучше б я не дожил!
Когда плачет мама,
Сын заснуть не должен.

Когда плачет мама...

1969

Перевод Б. Слуцкого

ОДУВАНЧИК

На рассвете
И на закате
Все путники,
Все на свете
Мягким шёпотом
Говорят...

Кого же
Боятся
Они потревожить?

Может,
Сонные
Всплески
Реки...
Может,
Сонные
Водяные
Круги...

Мы тоже
Путники
На рассвете.

Гляди,
Горит
Заря.
Мы будем
Идти,
Мягким шёпотом
Говоря...
Над сонным
Покоем
Реки

Круглые наши
Стихи...
И пропадает
Большой вокзальчик,
И одуванчик
Уже — раздуванчик...
И я зажмурил
Свои глаза.

Белые улицы
И паруса,
Я спрятал,
Я запер,
Как в чемоданчик,
Белый-белый
Один одуванчик...

И я всё это
Увёз с собой
С тихим ветром,
С тихой волной.

1969

Перевод Э. Мошковской

СОЛОМЕННАЯ ПАНИ

В то давнее-давнее время,
Когда, гордясь перед всеми,
Индюк носил эполеты,
В каретах катались собаки,
А раки ходили во фраке,
Случилась история эта.

У бедняка в каморке
Голодный ребёнок плакал
Тихонько, лишь две слезинки
Скатились, упали на пол.

И надо же было случиться,
Что к мастеру Иойне-Ице,
Что жил возле старой бани,
Приехала утром пролётка,
В пролетке сидела красotka —
Соломенная пани.

Она вынимает, любуясь,
Из бархатного футляра
Две светлых звезды — подарок
Соломенного кавалера.

— Мастер, — она сказала, —
Взвесь, отвечай не сразу.
Сколько, скажи мне, стоят
Ценные эти алмазы?

Взглянул — так и обмер Ице,
Затряслась его бородёнка.
— Да разве кто знает, пани,
Цену слезам ребёнка?

Вспыхнула вся от гнева —
И молнии мечет, и громы...
Соломенная красotka
Сгорела, как сноп соломы!

1969
Перевод Г. Сангира

МОЖЕТ БЫТЬ

— Одно с другим не вяжется! —
Пускай мне скажешь ты,
Тебя обнять мне хочется,
Как вазочке — цветы.

— Одно с другим не вяжется! —
Ты скажешь мне всерьёз.
Хочу служить я преданно
Тебе,
Как верный пёс.

А мама мне сказала бы
Складней об этом всё ж,
Сказала бы уверенно:
— Где хлеб,
Там рядом нож...

1969
Перевод В. Цыбина

ВОТ ИСТОРИЯ

Райские сказки, волшебные рифмы
Всегда был раздаривать рад.
И лишь себе, себе самому
Я подарил ад.

Вот такая история!

Хотел я свой ад на базаре продать.
Смеялась пёстрая публика.
За мой настоящий, за истинный ад
Давали мне дырку от бублика.

Вот такая история!

Решил я свой ад в вине утопить.
И кружка была глубока...
Но добрый хозяин, дав мне пинка,
Нас выкинул из кабачка.

Вот такая история!

Задумал я в карты ад проиграть,
Картёжников ловких созвал.
Но мне, как назло, всё везло и везло.
Банк даже я сорвал.

Вот такая история!

Райские сказки, волшебные рифмы
Я людям раздаривать рад.
И дорог, и мил — не расстанусь я с ним, —
И сладок мне собственный ад.

Вот такая история!

1969

Перевод Г. Сагиря

АРМЯНСКАЯ НОЧЬ

Тяну я «три звёздочки» —
Тёмный коньяк
Каплю
За каплей,
Почти как маньяк...

Первая звёздочка
Мглу прочертила —
В нитку жемчужин
Меня обратила,
И я повис
На косах Армянской Ночи.

Как ей к лицу
Тепло стыдливых жемчужин!

Вторая, вторая,
Искрясь и сгорая,
Сердце моё
Растопила, как воск.

Я вылепил сразу
Из сердца розу
И Ночи Армянской
Её преподнес.

Как ей к лицу
Сердце — алая роза!
А звёздочка третья
Летела, сверкала —
И вдруг из-под ног моих
Землю украла,
Всё завертела —
И близь и даль —

И небо накинула,
Точно шаль,
На зябкие плечи
Смуглой Армянской Ночи.

Как ей к лицу
Небо перед зарёю!

Помедли, утро,
Раскупорить не спеши
Щебеты птиц,
Шумы зелёных вершин.

Сон одуванчика
Можно спугнуть.
Пусть он — бедняжка —
Подремлет чуть-чуть.

1969

Перевод Г. Сагсига

КРАСИВА ЗЕМЛЯ

Я к другу зашёл,
А его что-то нет —
И, видно, не скоро
Вернётся поэт.

На столике низком
Лежали вразброс —
Бумаги и ручка,
Пяток папирос.

Рассеянный взгляд мой
Невольно привлёк
Исписанный косо
Почтовый листок.

Что-то поэт
Записал поутру.
Пожалуй, я почерк
Его разберу:

«Купить чай и сахар.
Друзей навестить.
В читальню сходить
И музей посетить.

Забрать из починки
Свои башмаки.
Красива земля!
Дороги легки».

Подумал я:
«Вот мой приятель как
Нужна ему пара
Таких башмаков,

Чтоб мог он по свету
Шагать и шагать».
«Красива земля!» —
Прочитал я опять.

1970

Перевод Г. Сангира

ДНИ ВЕЛИКОГО МОЛЧАНИЯ

На склоне лет
Пришли они —
Великого молчанья дни.

Дни догорания,
Дни жажды,
Пронизанные теплотой и нежностью
К травинке каждой,

Дни тихих ссор
С самим собой,
Когда губам осиротелым
Желанен камушек любой.

1970

Перевод А. Сендыка

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Дверь приотворена
В доме моём.
Кого же я жду
Ночью и днём?

Ты всё ещё ждёшь
Посещенья любви?
Чудак! Успокойся.
Глупец! Не зови.

О, если бы кто-нибудь
Как-нибудь
Ей смог о богатстве моём
Намекнуть!

Ведь слёзы, как жемчуг,
Я в сердце коплю
И боль золотую
Глубоко таю.

В моих подземельях
Такое хранится:
Небо без радуги!
Крылья без птицы!..

Боже!
Зачем ты со мной играешь
Дверь мою то открываешь,
То закрываешь.

1970

Перевод Г. Саггера

НА ПОРОГЕ

Стою у дверей на пороге чужом
И слышу смех за спиной,
Как будто я что-то забыл, потерял
И смеются все надо мной.

Хозяйка была весела и мила,
Ребёнок её красив.
Казалось, на каждой реснице его
Звезда, мерцая, висит.

В смятенье стою... Приоткрыта дверь.
Нет, надо войти опять.
Ведь самое главное я позабыл:
Ребёнка поцеловать.

1970

Перевод Г. Сангира

ГЛОТОК ЖИЗНИ

С каждой минутой
Полнее бокал радости,
С каждой минутой —
Убывает глоток жизни.
Так и остался бокал
Недопитым...

1970

Перевод автора

ПО ГОРОДУ ЧАСЫ ИДУТ

В сиянье светлых глаз
Я жил —
Оно погасло.
Ещё в горячем сердце
Жил —
Оно остыло.
Мешок с годами
Я носил —
Он прохудился.
По городу часы идут:
Тик-так,
Тик-так.
Они со мною встречи ждут:
Тик-так,
Тик-так.
Вызванивают для меня
То утро доброе с утра,
То доброту подарят дня,
То миром полнят вечера.
Меня задаривают так
Часы:
Тик-так,
Тик-так.

1970

Перевод Г. Сапгира

СОБАКОЛЮБЫ

В нашем подъезде
Сердцем не грубы —
Что ни квартира,
Собаколюбы.
Неторопливо
Ведут беседы,
Гуляя под окнами,
Собаковеды.
От столбика
К столбику
Во дворе
Водят они
Своих умных зверей.
Мне завидно стало.
Я принял решение.
Я тоже купил
Поводок
И ошейник.
Утром и вечером
Каждый день
Стал на прогулку
Водить свою тень.
Но только недолго.
Вскоре, признаться,
Собственной тени
Стал я бояться.

1970

Перевод Г. Сангира

КОШКИ И МЫШКИ

На асфальте кружатся,
Прогуляться вышли.
Издали мне кажется,
Играют в «кошки-мышки».

Мышка зазеваается,
Кошка сразу — рядом.
Мягкой лапкою обняв,
Смотрит нежным взглядом.

Вывернется мышка,
Выбежит из круга,
Только сердце часто
Бьётся от испуга...

На асфальте кружатся
Люди, не детишки,
Всё равно мне кажется —
Играют в «кошки-мышки».

1970

Перевод Г. Сапгиты

ОТГАДАЙ

Этот цветок
Был розовый, тонкий.
Был он похож
На ладошку ребёнка.
Пять лепестков
Он согнул в кулачок
И ночью разжать
Не хотел ни по чем.
Как я ни упрашивал,
Как ни молил,
Он только дразнил
Всем видом своим:
«А ну отгадай,
Что в руке у меня?»
И лишь на рассвете
Нового дня,
Словно разбуженный
Первым лучом,
Он потихоньку
Раскрыл кулачок,
И выпустил птички
«Фью-фью» и «чив-чив»,
И цвёл,
Обо мне
Совершенно
Забыв.

1970

Перевод Г. Сангира

ЭПИТАФИЯ

В глубоких калошах,
В носках шерстяных
На свет он явился —
Глубокий старик.

И ливни его
Неустанно купали,
И ветры
С ним
В кошки и мышки играли.

К пятидесяти
Он начал ходить,
К шестидесяти
Успел зубы сменить.

Недавно же,
Долгие годы спустя,
Безгрешен и чист,
Умер он, как дитя.

1970

Перевод Г. Сапгира

УЗЛЫ

С той поры как впервые
Надели мне башмаки,
Шнурки — в узлах, как в бутонах,
В сплошных бутонах шнурки.

Поэтому я придумал,
Уговорить себя смог,
Что из узла любого
Распустится цветок.

Давно башмаки стоптались.
Цветов — так и не увидал.
Да мне их теперь не нужно,
Вот только б узлы развязал!

1970

Перевод Б. Слуцкого

МОЁ МЕСТЕЧКО КРАСНОЕ

Моего местечка,
Может быть, и не было.
Может, это Красное
Только лишь во сне было.

Может, мама выстрадала
Простоту его,
А невеста вышла
Красоту его?

Может, в лес пошло оно,
Словно в сказке козлик,
Чтоб детей порадовать —
Купить летний дождик?

Может, волку страшному
Кто-то сообщил
И этого козлёнка
Он в чащу утащил.

Может, может, сплю я
И во сне, во сне
Детство моё милое
Снится, снится мне?

1970

Перевод Б. Слуцкого

ЗУБ МУДРОСТИ

Крупнопанельные громады.
Иду я просекой бетонной.
Оконных стёкол
Водопады.
А был когда-то
Лес зелёный,
Весёлый,
На ветру летящий,
Смеялся
Белозубой
Чашей.
Свели под корень.
Лес исчез.
Проспект,
Где был когда-то лес,
Как рот старушечий
Пустой.
Лишь дуб раскидистый,
Густой
Не уступил
Щипцам железным.
Под самым глазом
Поднебесным
Жив
Над асфальтовой десной
Дуб кряжистый —
Зуб мудрости
Лесной.

1970

Перевод Г. Сапгира

ЗУБ МУДРОСТИ

Крупнопанельные громады.
Иду я просекой бетонной.
Оконных стёкол
Водопады.
А был когда-то
Лес зелёный,
Весёлый,
На ветру летящий,
Смеялся
Белозубой
Чашей.
Свели под корень.
Лес исчез.
Проспект,
Где был когда-то лес,
Как рот старушечий
Пустой.
Лишь дуб раскидистый,
Густой
Не уступил
Щипцам железным.
Под самым глазом
Поднебесным
Жив
Над асфальтовой десной
Дуб кряжистый —
Зуб мудрости
Лесной.

1970

Перевод Г. Саггир

ВЕТЕРОК

(Чего нет и больше не будет)

Весенний Ветер-Ветерок так спешил,
Что почти летел,
И вдруг запутался
В седой бороде старика.
Старый пекарь почуял запах тмина,
Что принёс ветерок.
И стало ему так хорошо,
Что не мог с ним расстаться.
Но не ночевать же ветерку в бороде!
Слово есть слово.
А он обещал Очкам,
Нарисованным на окне аптеки,
Сдуть пыль, осевшую на них.
Нарисованные Очки никак не могли прочесть,
В какой банке лежат мятные лепёшки.
Потрудился Ветер-Ветерок на славу.
Нарисованные Очки угостили его за это
Не половинкой половинки,
А целой и круглой лепёшкой.
Только хотел Ветерок лизнуть её,
Лепёшка прыг — и покати́лась.
Ветерок — за ней.
Лепёшка скок — и спряталась
За палаткой леденцовых петушков.
Ветерок вдогонку.
Лепёшка скок — за палатку
Медовых пряников.
Смотрит, пряничная лошадка в красных яблоках
Привязана к сахарному забору.
Прыгнула в сахарное седло.
Отвязала сахарную уздечку
И — галопом во весь опор.
Иди догоняй меня!

Ветерок, конечно, мог бы догнать
Мятного всадника.
Но вдруг он услышал:
— Не могу раз-бу-дить мой чу-дес-ный сад! —
Твердил сквозь слёзы Энык-Бенык.
— Где твой чудесный сад?—
Спросил мальчика Ветер-Ветерок.
— На полях старой-старой соломенной шляпы.
— А где твоя старая-старая соломенная шляпа?
— В кривом переулке,
В горбатом домике,
На слепом чердаке, — ответил Энык-Бенык.
— Этому горю я могу помочь.
Летим!.. —
Скрипнула калитка,
Дрогнул листок на дереве,
Которого уже нет.
Открылась дверь дома,
Которого уже нет.
Нашлась шаткая лестница,
Которой уже нет.
Энык-Бенык и Ветер-Ветерок на цыпочках
Поднялись на чердак,
Которого уже нет.
Повеял Ветер-Ветерок теплом
И разбудил от сна:
Персики,
Виноград,
Красные вишни,
Черешни,
Чёрные сливы,
Яблоки, и груши,
И воздушное перо страуса.
Проснулся, ожил чудесный сад
На полях старой-старой соломенной шляпы,
Которой давно уже нет.

А что касается Ветерка,
То он уже шестьдесят лет
Свистит у меня в голове.
Насвистывает песенки о том,
Чего нет и больше не будет...

1970

Перевод автора

СОН

Ночью осенней
В мерцанье светил
Ключик хрустальный
Меня разбудил.
Он прозвучал:
— Не робей и бери!
Возьми меня, глупый,
И рай отвори. —
Рай улыбался,
Как тысяча уст.
Я вошёл.
Но рай
Оказался
Пуст.

1970

Перевод Г. Сангира

ПЕСНЯ ТОЧИЛЬЩИКА

Я точу о камень
Нож,
Чтоб в работе
Был хорош.

Чтобы резал
Хлеб и лук,
Но не резал
Ваших рук.

Чтоб на отдыхе
В лесу
Резал хлеб
И колбасу.

Резал яблоки
И груши
Для тебя
И для Илюши.

Резал с хрустом
Твой арбуз,
Если сладок
Он на вкус.

Чтоб умел строгать,
Скрести,
Помогать
Тебе в пути.

Я точу о камень
Нож,
Чтоб к работе
Был он гош.

Добрый нож
Я наточу,
Злой
Точить я не хочу.

Перевод С. Марша

ИЗ РОДА В РОД

Погибшим еврейским поэтам посвящается

Не плачьте, не плачьте,
Еврейские вдовы,
Ведь память поэтов —
Не слёзы, а слово.
Пусть голосом нашим
Станет их глас,
Их песнь, что посеяна
В сердце у нас.

Пусть будут пред нею
Все двери открыты.
Все пойте, покуда
Слова не забыты!
Брат — брату, мать — детям,
А бабушка — внукам.
Не справиться с песней
Ни смерти, ни мукам.

Не плачьте,
Могил не ищите, не надо.
Все стороны света
Встают, как ограда.
А лучше
Оденемся в чёрное, братья.
И камень на сердце
Возьмём, как заклатье.

След наших пальцев —
Их песне молитва —
Пусть врежется в камень:
«Пой никбор, пой нитмон».
И камень на сердце

Из рода в род —
Несите,
Покуда народ наш живёт.

Не плачьте, не плачьте,
Еврейские вдовы,
Ведь память поэтов —
Не слёзы, а слово.
Пусть голосом нашим
Станет их глас,
Их песнь, что посеяна
В сердце у нас.

Перевод Е. Каплана

ХЕЛОМСКИЕ МУДРЕЦЫ

(1965 - 1969)

ИСТОРИИ ДАВНИХ ЛЕТ

Сегодня же вечером,
Только луна
В окно засияет, как встарь,
С неба сниму
Эту свечу
И вставлю в ржавый фонарь.

Я пойду тропой,
Где растёт виноград
И зреют синие фиги.
И через год
Я приду наугад
К самой старой Хеломской книге.

Я постучусь
В глухой переплёт.
Кто-то вздохнёт сладко.
Откинет застёжки
И дверь отопрёт
Выцветшая Закладка.

Кто я таков,
Ей понятно без слов.
— Входите сюда, на страницу. —
Старинные буквы
Фонарь озарит —
Какую-то быль-небылицу.

Поведать истории
Сказочных лет
Я попрошу Закладку,
Она завернётся в клетчатый плед,
Приляжет на кожаный переплёт
И начнёт свой рассказ по порядку...

Перевод Г. Сапгира

БИСЕРНАЯ ЗАКЛАДКА

Тихо над Хеломом
Шли облака.
Тихо и плавно
Струилась река.
Тихо цвели
Лебеда и картошка.
Тихо и нежно
Мяукала кошка.
Тикали тихо
Часы на стене.
Плакали тихо
Детишки во сне.
И в книге старинной
Тихо и сладко
Забытая всеми
Дремала закладка.

И вечно бы в Хеломе
Было бы так,
Если бы Фроим
Не влез на чердак.

Составил он стопкою
Несколько книг,
Забрался на них
И к окошку приник.
Смотрит на мир
Местечковый философ
И сразу решает
Десятки вопросов...
Но вдруг развалился
Его пьедестал.
Хвататься за воздух
Философ не стал.
Он просто упал,
Он ушиб себе пятку.
И тут он заметил
Цветную закладку,
Где бисером вышит
Зелёным и белым
Не Лондон, не Рим,
А родной его Хелом!
Ахнул философ:
— Что вижу? Обман! —
И спрятал скорее
Закладку в карман.

Вот он по улицам Хелома
Мчится,
Вот к мудрецам местечковым
Стучится:
— Не спите!
Да будет вам ведомо всем:
Ограбили нас!
Обокрали совсем!

Проверить карманы
Спешат старики.

Но целы часы,
Табакерки,
Платки.
— Коль дорожите вы
Нашим покоем,
Скажите скорей,
Уважаемый Фроим,
В чём дело?
Поведайте всё
По порядку. —
И вместо ответа
Он вынул закладку...

Глядят мудрецы,
Бородами трясут.
— Скажите мне, люди,
Что вышито тут? —
И старцы откликнулись
Хором несмелым:
— Три домика, пруд —
Неужели наш Хелом? —
И Фроим вздохнул:
— Даже глупый поймёт,
Что Хелом теперь
Совершенно не тот.
Из чистого бисера
Был он когда-то! —
И все отозвались:
— Какая утрата! —
И все огорчались,
И все повторяли:
— Наш бисерный Хелом
Украли, украли!..

Признаться, и сам я
Такого же мненья.
И нет у меня
Никакого сомненья.

Когда я проездом
Был в этом местечке,
Я вечером встретил
Мышонка у печки.
Мышонок глядел
На меня независимо
Глазами
Из самого чёрного бисера.
Наверное, в ночь,
Когда Хелом украли,
Он прятался
В самом глубоком подвале,
И ловкие воры
Во мгле и в пыли
Две бусинки чёрных
Найти не смогли.

Перевод Г. Сапгира

ХЕЛОМСКИЕ ОБЫЧАИ

В Хеломе водились мыши с незапамятных времен.
Не одна, не две, не тыща, а, наверно, миллион!

Мыши на дорогах,
Мыши на порогах,
Мыши на крылечках,
На чердаках, на печках,
На лавках, на перинах,
В корытах и корзинах.
Вот какое горе,
Просто-таки горе!

И поэтому в местечке был обычай, говорят:
По три прутика к обеду подавались всем подряд —
К супу, к мясу и компоту, чтобы отгонять мышей,
Ведь они в тарелки лезли и пугали малышей.
Но когда во всей округе не осталось ни куста,
Стали думать, стали спорить, и — всё это неспроста.
Люди разные повсюду. Эти глупы, те умны.
А в местечке, как известно, жили умники одни, —

На дорогах умники,
На порогах умники,
На крылечках умники,
И на печках умники,
На лавках, на перинах,
В корытах и корзинах.
Вот какое счастье,
Просто-таки счастье!

И собрались семь старейших и умнейших на совет,
Чтоб решить: ну что же делать? От мышей спасенья нет!
Рассуждали, обсуждали и гадали семь ночей.
Наконец решили: кошки нас избавят от мышей, —

Кошки на дорогах,
Кошки на порогах,
Кошки на крылечках,
На чердаках, на печках,
На лавках, на перинах,
В корытах и корзинах.
Вот решение умное,
Просто-таки мудрое!

С той поры в местечке Хелом, ну куда ты ни взгляни,
Всюду кошки, кошки, кошки. Кошки бегали одни.
И поэтому в местечке был обычай, говорят:
По три хлыстика к обеду подавали всем подряд —
К супу, к мясу и компоту, чтобы кошек отгонять.
На сто вёрст в округе ветки обломали все опять.
Вновь собрались семь старейших и мудрейших на совет.
Говорят: — От этих кошек никому покоя нет! —
Долго думали, гадали. Наконец решили так:
Чтоб избавиться от кошек, надо завести собак.
С той поры в местечке Хелом, ну куда ты ни взгляни,
Там собаки, тут собаки всюду бегают одни, —
Собаки на дорогах,
Собаки на порогах,
Собаки на крылечках,
На чердаках, на печках,
На лавках, на перинах,
В корытах и в корзинах.
Вот какое горе,
Просто-таки горе!

Но, как всякому известно, люди всё же там живут.
Три увесистых дубинки там к обеду подают —
К супу, к мясу и компоту, чтобы отгонять собак.
Все дубы уже спилили и взялись за березняк.
Ходят-бродят эти стаи псов прожорливых и злых.
И опять никто не знает, как избавиться от них.
Люди разные повсюду. Эти глупы, те умны.
Но живут в местечке Хелом только умники одни!
Что-нибудь решат такое семь старейших мудрецов,
Что собаки из местечка удерут в конце концов.

На дорогах их не будет,
На порогах их не будет,
На крылечках их не будет,
И на печках их не будет,
На лавках, на перинах,
В корытах и в корзинах.
Вот настанет счастье,
Просто-таки праздник!

МОРОЗ И МУДРЕЦЫ

Проезжал Мороз дорогой,
Затерявшейся в лесах,
Наплела ему сорока
Об известных мудрецах,
Будто нету их умнее,
Обыщи хоть целый свет,
И старик решил проверить,
Правда это или нет.
Он решил поехать сам
В Хелом — в гости к мудрецам.

Белогривой снежной тучей
Мчится ветер напрямик.
Позади на санках кучер —
Прошлогодний Снеговик.
— Прочь с дороги, сосны, ели!
Расступись, толпа берёз!
Едет, едет, едет, едет
Сам великий Дед Мороз!
Дед Мороз на санках сам
Едет в гости к мудрецам!

А в местечке Хелом стужа —
Уж забыли, сколько дней.
Чем Мороз к местечку ближе,
Тем в местечке холодней.
И когда Мороз приехал,
Он увидел, говорят,
Что дома в платках и шалях,
Даже в валенках стоят.
На снегу пасутся козы
В тёплых вязаных-чулках,
И, спасаясь от Мороза,
Даже куры спят в чепцах.

Ведь Мороз приехал сам
В гости к местным мудрецам!

Выехал Мороз на площадь
И увидел мудрый дом:
Сотней древних книг и свитков
Он обложен был кругом.
Заглянул Мороз в окошко,
Видит: шесть косматых шуб
И седьмой — большой бараний,
Трижды латанный тулуп.
Из овчин торчат наружу
Только кончики носов.
Да ведь это семь старейших
И мудрейших мудрецов!
Самый старший из старейших
Из тулупов держит речь:
— Чтоб спастись от стужи, надо
Нам сложить большую печь! —
Мудрецы запели: — Печь!..
Сложим печь — забота с плеч.

Но один, что всех моложе,
Ста пятидесяти лет,
Молвил: — Печь кладут из глины.
А в местечке глины нет. —
Мудрецы запели: — Нет,
Нет — и это не секрет.

Самый старший из старейших
Мудрецам сказал тогда:
— Если нет в местечке глины,
Печь мы сложим изо льда. —
Мудрецы запели: — Да,
Печь мы сложим изо льда!

Но один, что всех моложе,
Снова голос подаёт:
— Если мы её затопим,
То растаять может лёд. —
Мудрецы запели: — Вот,
Ведь растаять может лёд!

И тогда сказал старейший
Уважаемый мудрец:
— Печь из сливочного масла
Можно сделать, наконец! —
Мудрецы запели: — Да,
Печка будет хоть куда!

Но один, что всех моложе,
Снова голос подаёт:
— Да ведь сливочное масло
Так же тает, как и лёд! —
Мудрецы запели: — Вот,
Так же тает, как и лёд.

Самый старший из старейших
Рассердился: — Что за вздор?!
— Вздор, — ему тихонько вторил
Мудрецов озябший хор.
А мудрейший из мудрейших
Продолжал: — Мой добрый друг,
Лучше пусть растает масло,
Чем замёрзнут все вокруг. —
Мудрецы решили: — Ясно,
Масло не к чему беречь.
Пусть из сливочного масла
Поскорее сложат печь.
Сложат печь —
Забота с плеч!

И Мороз тогда подумал:
«Я объездил целый свет,
Но мудрее, чем в местечке,
Мудрецов на свете нет».
Нет —
И это не секрет!

Перевод Г. Сангира

ЗОЛОТЫЕ БАШМАКИ

В Дании
Был настоящий король,
В Испании
Был настоящий король,
В Бельгии был
И в Италии,
В Африке был
И так далее...

Была королями
Богата земля.
Лишь в Хеломе
Не было короля.
И Хеломом править
Никто не хотел —
Немало у каждого
Собственных дел.

И семь мудрецов
Собрались на крылечке:

И вот что решили
Они всемером:
Бездельнику Нохему
Быть королём.

Король, как положено,
Бродит без дела.
— Я — власть! — объясняет он
Козочке белой.
— Я — местный король! —
Говорит петушку.
Петух удивляется:
— Ку-ка-ре-ку?

А люди смеются:
— Какой же король
Ходит босой,
Как последняя голь? —
Ведь люди слышали,
Что даже в Италии
Носит король
Золотые сандалии.

Думали-думали
Семь мудрецов
И объявили
В конце концов:
Сшить королю башмаки —
Не простые,
А королевские —
Золотые!

Вот Нохем глядит:
Он — король в самом деле.
Ему башмаки золотые
Надели.

Пошёл он по улочке
Не торопясь.
Но всюду была
Непролазная грязь.

Король от базара
Дошёл до реки —
И чёрными стали
Его башмаки.
И люди смеются,
Не верят никак,
Что ходит король
В золотых башмаках.

Снова собрался
Мудрейший совет.
И Нохему дали
Отличный совет:
Калоши надеть!
Так он и сделал.
Обходит король
Верноподданный Хелом.

Но люди смеются,
Не верят никак,
Что ходит король
В золотых башмаках.
В глубоких калошах
Ботинок не видно.
И королю
Это очень обидно.

И снова собрался
Мудрейший совет.
И Нохему дали
Прекрасный совет:

— Дыры побольше
В калошах проделай,
Чтоб золото
Сквозь эти дыры блестело!

Так он и сделал.
Но — снова беда:
Хлещут сквозь дыры
Грязь и вода.
И люди смеются,
Не верят никак,
Что ходит король
В золотых башмаках.

И снова собрался
Мудрейший совет.
И Нохему дали
Мудрейший совет:
От грязи избавиться
Как-нибудь,
Ну, хоть бы соломою
Дыры заткнуть...

По улочке шум
Пробежал и затих.
Король на прогулку
Выходит из дома...
Так он и гулял —
В башмаках золотых
И в рваных калошах,
Заткнутых соломой.

Кругом на окошках
Цветы расцветали,
По небу зелёному
Куры летали

И месяц
Козленком скакал,
Веселя
Великого
Хеломского
Короля!

Перевод Г. Сангира

МОЖЕТ БЫТЬ ДА, А МОЖЕТ БЫТЬ, НЕТ

Был ли Реб-Нухим
В чаше дремучей?
Был ли подобный
В Хеломе случай?
Что я скажу вам
На это в ответ?
Может быть, да,
А может быть, нет.

Но слышали все, и клянётся весь Хелом,
Что между селеньями Чёрным и Белым,
Не доходя Воробьиного брода,
В чаше дремучей возле болота,
Где летом котенок едва не утоп,
Реб-Нухим увидел огромный сугроб.
А из него поднимается пар,
Как будто под снегом кипит самовар.

Верить ли этим
Хеломским слухам?
Видел ли чудо
Мудрый Реб-Нухим?

Что я скажу вам
На это в ответ?
Может быть, да,
А может быть, нет.

Но стало известно городу Хелому,
Нухим поведал об этом Реб-Шолому.
У Шолома, кстати, не ум, а брильянт,
Старый мудрец развернул фоллиант,
Перелистал, почесавши за ухом,
И объявил: — О премудрый Реб-Нухим,
Послушай, об этом неслыханном чуде
Нет ни слова, ни буквы в Талмуде.
Но, слава богу, в местечке есть ребе,
Мудрейший из всех на земле и на небе.
У старого ребе — звезда, а не разум,
А каждое слово сверкает алмазом.
Выслушав Нухима, ребе-мудрец
Долго молчал... И сказал наконец:
— Это, конечно, великое чудо.
Но что это, просто не видно отсюда.
Немедленно в чашу отправимся сами,
Во всём убедимся своими глазами.

Пошли ли они
В эту чашу дремучую?
Нашли ли они
Эту снежную кучу?
Что я скажу вам
На это в ответ?
Может быть, да,
А может быть, нет.

Но слышали все, и клянется весь Хелом
Что между селеньями Чёрным и Белым,
Не доходя Воробьиного брода,

В чаще дремучей возле болота,
Где летом котёнок едва не утоп,
Они увидали огромный сугроб.
Из чёрной дыры поднимается пар,
Как будто под снегом кипит самовар.
И ребе сказал: — Величайшее чудо!
Но что это — всё же не видно отсюда.
Полезу, увижу. — И ребе полез
Вперёд головою под снежный навес.
А возле берлоги два мудреца
Стояли, за ноги держа мудреца.

Забрался ли ребе
Под снежный навес?
И был ли вообще
Возле Хелома лес?
Что я скажу вам
На это в ответ?
Может быть, да,
А может быть, нет.

Но слышали, слышали, слышали люди,
Что два мудреца, размышляя о чуде,
Там долго стояли. Измаялись оба.
А ребе не лезет назад из сугроба.
Когда ж его вытащили — увы! —
Он оказался без головы.

Реб-Нухим сказал: — Была голова. —
А мудрый Реб-Шолом подумал сперва,
Затем возразил: — А по-моему, нет.
Нашего ребе я знаю сто лет. —
И так бы тянулся их спор без конца,
Но, к счастью, припомнили два мудреца
— У ребе — жена! И она такова,
Что вспомнит, была или нет голова.

Два старца направились в Хелом. И вскоре
Пришли и сказали разумнице Соре:
— Ты мудрая женщина, знает округа.
Скажи нам, была ль голова у супруга? —
К лобику пальчик приставив сначала,
Мудрая женщина так отвечала:

— Когда он ел цимес,
Картошку с селёдкой,
Я помню,
Что тряс он
Седую бородкой.
А вот была ль
У него голова...
Никак не припомню! —
Сказала вдова. —
Что я скажу вам
На это в ответ?
Может быть, да,
А может быть, нет.

Перевод Г. Сагвир

ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА

Знал когда-то целый Хелом
Герша — нищего слепого.
Он бродил по всем дорогам
С толстой палкою дубовой.
Под окном стучала палка:
«Помогите, бога ради».
Кто давал сухую корку,
Кто вчерашние оладьи.
И бывало, самый бедный
Со слепым, чем мог, делился.
Между тем мешок слепого
Понемногу прохудился.

И пошли за Гершем куры,
Подбирая следом крошки.
Гуси жадные за ними
Устремились по дорожке.
На лету куски хватают!

И со всех ближайших улиц
Набежали козы, козы...
За гусями потянулись,
И летят
Со всех сторон
Сто разбойниц —
Сто ворон.
И пошла такая свара!
Козы: «Бе-е!»
Вороны: «Кар-р!»
Услыхали это люди.
Все бегут
Как на пожар.
А от коз кругом — бело!
От ворон кругом — черно!
Наконец водой разлили,
Разогнали драчунов.

А назавтра рано утром
К старикам седым и мудрым,
Заливаясь вся слезами,
Фрейдл-птичница пришла:
— Петуха и кур вороны
Ощипали догола! —

Прибежал сапожник Нохем,
Посыпая патлы пеплом.
Говорит, что после драки
У него коза ослепла.

— Ой, — сказала тётя Броха, —
Что с моею Розой стало!
Наша козочка со страха
Вдруг донться перестала.
Чтоб тому, кто сделал зло,
Точно так же повезло!

— Не шумите. Не кричите.
Это дело мы рассудим
И виновника накажем, —
Мудрецы сказали людям.

И судили и рядили
Семь ночей и дней подряд.
Наконец решили: нищий
В этой драке виноват.

Привели слепого Герша.
Герш стоит перед судом.
Самый мудрый из мудрейших
Поднимается с трудом.
— Ты зачем рассыпал корки? —
Задаёт ему вопрос.
— Я слепой, а люди зрячи, —
Герш спокойно произнёс. —
Я слепой, а люди зрячи,
Раз мешок мой прохудился.
Почему сказать об этом
Мне никто не потрудился?

— Он слепой, а люди зрячи! —
Все сказали нараспев.
Сам мудрейший из мудрейших
Рассудил, очки надел:
— Герш, конечно, не виновен,
И нельзя винить людей.
Виноват мешок дырявый —
Вот кто истинный злодей! —

Но сказал: — Нехорошо, —
Ицик-бер, мудрец лохматый, —
Как же так? Судить мешок,
Если дырка виновата! —

Все запели: — Виновата! —
Но Реб-Вольф воскликнул: — Тише!

Эта дырка ни при чем,
Ведь её прогрызли мыши! —
Все запели: — Мыши! Мыши! —
Но сказал мудрец Реб-Ёшке:
— Чем же мыши виноваты,
Если их не ловят кошки? —

Все запели: — Кошки! Кошки! —
Но Реб-Лейб сказал: — Однако
Не даёт покоя кошкам
Местечковая собака. —

Самый мудрый из мудрейших
Заключил: — Закончим тут!
Виновата. Взять собаку.
Привести её на суд.

Ищут всюду. Нет собаки.
А в местечке говорят:
— Кажется, собака сдохла
Около двух дней назад. —

И старейшина сердито
Стукнул палкой: — Отыскать
Место, где она зарыта!
Выкопать и наказать.

Ходят с заступами люди.
Перекопан каждый двор.
Где собака там зарыта,
Неизвестно до сих пор.

Перевод Г. Саггиря

ПОЖАРНАЯ МАШИНА

Какого цвета Хелом?
Хелом цвета серого.
Дело в том, что Хелом
Построен весь из дерева:
Дом, плетни, курятники,
Сарай, телега, бричка...
И как-то раз местечко
Вспыхнуло как свечка.
Высыпали люди
Из домов на улицу.
Кто спасает козочку,
Кто — индюка,
Кто курицу.
А хеломские домики,
Отражаясь в речке,
Горят
Как
Свечки.
Верно, даже в Киеве
Это пламя видели.
Прибежали к мудрецам
Хеломские жители:
— Пылают наши крыши,
Комоды, сундуки!
И вот уже под нами
Глеют каблучки! —
И вышел к ним мудрейший
И, опершись на посох,
Крикнул:
— Тише, люди!
Борух-Бер, философ,
Думает...
На стуле,
Не открывая глаз,
Как спасти наш Хелом,
Он думает сейчас.
А вы пока тушите,
Я вас научу:
Дуйте,
Как вы дуете,

Чтоб задуть свечу.

Над огнём пичуги
Мечутся в испуге.
Хеломские умники
Дуют на лачуги.
Ух, какой пожарище
В Хеломе раздули!
И сидит философ,
Погружен в раздумье,
Ничего не видя,
Ничего не слыша.
А уже затлела
И дымится крыша...

Слышал я, что дождик
Старый Хелом спас.
Но что бы это ни было,
Вдруг огонь погас.

Чернеют головешки...
И тут-то наконец
Борух-Бер очнулся.
— Нашёл! — сказал мудрец.
Со стула встал и смотрит
Горящими глазами.
— Мы слушаем, мы слушаем!
Все мудрецы сказали.
Он бороду пригладил
И табакерку вынул:
— Я, кажется, придумал
Пожарную машину! —
Мудрецы воскликнули:
— Это же открытье!
Расскажи нам толком,
Как же смастерить её?
— Если бы все реки
Перелить в одну... —
Мудрецы сказали:
— Ну, ну, ну?
— Если бы все сосны
Связать в одну сосну... —

Мудрецы сказали:
— Ну, ну, ну?
— А из всех топоров
Сковать один топор...
— Ну и что же дальше? —
Спросил мудрейший хор.
— И если бы найти нам
Такого дровосека,
Чтоб это дерево срубил
И бросил в эту реку... —
Размахивая стулом,
Философ продолжал: —
То брызги потушили бы
Любой большой пожар!

И мудрое-премудрое
Собрание решило:
— Вот это настоящая
Пожарная машина!

Но воспользовались ли когда-нибудь хеломские жители пожарной машиной, которую придумал Борух-Бер, философ, неизвестно. Дело в том, что впоследствии архив местечка Хелома всё-таки сгорел.

Перевод Г. Саггир

И ЭТО К ДОБРУ

Если все беды —
На чью-нибудь голову,
То вечно на голову
Старого Шолема.

Реб-Шолем имел
Молодчину осла,
Умницу,
Честь ему и хвала!

Там он пощиплет
Немножко травы,
Здесь сена охапку
Подбросите вы.

А главное, всюду
Колючка растёт.
И старец не знал
Со скотиной забот.

Был славный осёл,
Никогда не ругался,
А если сердился,
То только лягался.

Вдруг будто с неба
Свалилась беда:
Осёл-молодчина
Исчез без следа.

Где он? Гадать
Не имеет смысла.
Пусть будет вору
Горько и кисло!

Но горько и кисло
Пока что хозяину.
Он бродит по Хелом,
Как неприкаянный.

Он плачет: — Поймите
Меня наконец,
Это же был не осёл,
А мудрец!

Кто старца жалеет,
Кто вора корит,
А Сора-племянница
И говорит:

— И это к добру!
И, видит всевышний,
Твоя благодарность
Была бы не лишней!

Ты сам бы пропал
Вместе с этим ослом,
Когда бы в то утро
Сидел бы на нём.

Перевод Г. Саггир

ЦЕЛКОВЫЙ

Когда-то в местечке Хеломе,
Прославленном козами белыми,
Где портные жилетки и брюки латали,
Где сапожники туфли чинили, тачали,
Где шорники шили шлеи и уздечки,
Где пекари хлеб выпекали в печке,
Жестящики вёдра паяли, лудили,
А парикмахеры стригли и брили,
Но сами не брились почти никогда, —
Случилась однажды большая беда.

Стражник усатый — в медалях, при шашке,
С яркой кокардой на синей фуражке, —
Пьяным напился и начал орать:
— Сейчас же гуся на обед мне подать! —
И баста! И сколько его ни просили
Портные, что вечно латали и шили,
Сапожники, что молотками стучали,
Жестящики, что у порога паяли:
— Ваше благородие, чуть обожди!
Вот вечером гуси пойдут из воды,
Такую гусыню тебе мы изловим,
Такое жаркое тебе приготовим,
Такое, что просто оближешь ты пальцы!
И шкварок нашкварим, нажарим на смальце.
А стражник ревет, словно местный бугай:
— Желаю! Сейчас же! Умри, а подай!

И пьяный как был — во всей амуниции —
Бросился в реку за белой птицею.
Шашка тяжёлая тянет ко дну.
Стражник кричит: — Помогите! Тону! —
Оставил портной лапсердак недошитый,
Оставил сапожник башмак недобитый,
Шорник оставил шлею и уздечки,
Пекарь оставил бублики в печке.
И парикмахер с бритвой в руке

Следом за всеми помчался к реке.
Охают люди. Что делать? Беда!
Стражник утонет, начнётся тогда!..
На станцию всадник направится быстро,
Оттуда пойдет телеграмма к министру.
Министр прочтает её и, быть может,
Сразу к царю побежит и доложит:
— Так, мол, и так. В таком-то местечке...

Пекарь, что хлеб выпекает в печке,
Шорник, что чинит шлеи и уздечки,
Портной, что жилетки и брюки латает,
И старый сапожник, что туфли тачает,
И парикмахер, — и много народу
Собрались и бросили стражника в воду...

И полетит телеграмма назад:
«Так, мол, и так, и числа, мол, такого
В Хелом прибудет рота солдат...»
И будет в тяжёлые цепи закован
Пекарь, что хлеб выпекает в печке,
Шорник, что чинит шлеи и уздечки,
Портной, что жилетки и брюки латает,
И старый сапожник, что туфли тачает.

Бегают люди, кричат возле речки.
Ведь плавать никто не умеет в местечке.
Гуси гогочут. Стражник орёт.
«Что будет с Хеломом?» — плачет народ.

И тут появился Шолом-босьяк,
Куцые брюки, худой лапсердак.
Неторопливо к толпе подошёл он.
И людям сказал этот умница Шолом:
— Что тут за крики, за беготня?
Что за пожар среди белого дня?
Вытащить стражника? Проще простого!
Есть у кого-нибудь новый целковый? —
А пьяный совсем уже тонет в реке.
Но только монету увидел в руке —
Тут же, как пробка, — вон из воды!

Так Хелом избавился от беды.

Перевод Г. Саггера

КАК В ХЕЛОМЕ ПОСТРОИЛИ ТУРЕЦКУЮ БАНЮ

Трудно поверить,
Не спорю я с вами,
Но в городе Хеломе
Не было бани.
От самых бедных
До самых богатых
Все мылись в корытах,
Тазах и ушатах.
Пока не дошла
До Хелома весть,
Что за морем
Бани турецкие есть.
Турецкие бани
Из чистого мрамора...
Хочешь помыться,
Езжай себе за море.

Трудно поверить,
Не спорю я с вами,
Но Береле видел
Своими глазами
Турецкие бани:
Их нарисовали
В каком-то старинном
Столичном журнале.
В огромном предбаннике
Люди толпились
С узлами. В парную
Они торопились.
А там были рельсы.
На рельсах — котел.
И пар из трубы
Потихонечку шёл.

Однако какой-то приезжий
Сказал,
Что это — не бани,
А просто вокзал.

Трудно поверить,
Но спорить не будем.
Взглянуть на картинку
Достаточно людям.
И как-то пришли
К мудрецам горожане:
— Пора нам построить
Турецкие бани,
Турецкие бани
Из чистого мрамора,
Чтобы не ездить
По пятницам за море.

Семь дней и ночей
Мудрецы рассуждали,
Смотрели картинку
В столичном журнале.
И вот что решил
Наш мудрейший совет:
— Так как в местечке
Мрамора нет —
Это проверено, —
Бани построить
Из чистого дерева.

Трудно поверить,
Не спорю я с вами,
Но хеломцы баню
Построили сами.
(Искусные плотники
Были в местечке.)

Турецкая баня
Стоит возле речки.
Похожая с виду
На местный трактир.
Стоит, красотой
Удивляет весь мир.
Стены сосновые,
Пол земляной!

Но что там за шум?
Что за крики в парной?
Мечутся люди,
Друг другу мешая.
Хлещут потоки
Из кранов и шаяк,
Пол заливают.
И постепенно
Все оказались
В грязи по колени.

Трудно поверить,
Не спорю я с вами.
Но люди, вернувшись
Из хеломской бани,
От самых бедных
До самых богатых,
Все мылись в корытах,
Тазах и ушатах.

Семь дней и ночей
Мудрецы рассуждали,
Смотрели картинку
В столичном журнале.
Надо же было
Что-то решить!
И старцы сказали:

— Полы настелить.

Трудно поверить,
Не спорю я с вами,
Но плотник завёл
Разговор с мудрецами:
— Конечно, полы
Настелить нам несложно.
Но ежели доски
Строгать, как положено,
Все будут скользить
И ещё на пороге
Переломают
Руки и ноги.

А ежели доски
Совсем не строгать,
Может несчастье
Случиться опять.
На досках, растут,
Извините, не розы
И не сирень,
А сучки и занозы —
Стали мудрейшие
Спорить опять:
— Надо строгать!
— Нет, не надо строгать!

Трудно поверить,
Не спорю я с вами,
Но самый мудрейший,
Сверкая очами
Плотнику подал
Мудрейший совет,
Какого не слышали
Тысячу лет:

Доски строгать!
Строгай, не ленись.
Но только клади их
Строганным вниз.

Трудно поверить,
Но в бане турецкой
Моются люди
С тех пор по-турецки.
С железными шайками,
Как в облаках.
Сидят они в валенках
И в башмаках.

Перевод Г. Саггиря